

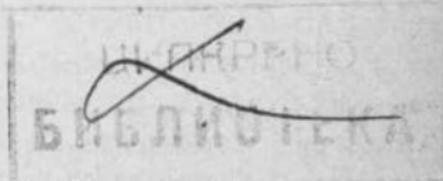
И. М. Радецкій.

36

P151

БРОШЕННАЯ ДѢТИ.

(Матеріалы къ вопросу о подкидышахъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. М. Ледерле и К^о.

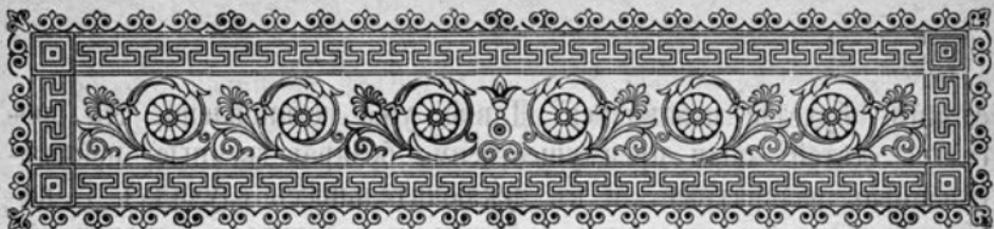
1894.

OK

ОБЩ. БИБЛИОТЕКА
ПО НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ
№ _____

708646

Дозволено цензурою. Спб. 24 Августа 1894 г.

I.

28 ноября, въ засѣданіи одесской городской думы, гласный Мочутковскій внесъ предложеніе ходатайствовать о разрѣшеніи устройства въ Одессѣ при пріютѣ подкидышей яслей („люльки“), которое и было принято думою единогласно... Въ нѣсколькихъ словахъ гласный мотивировалъ свое заявленіе тѣмъ, что въ последнее время, при существующемъ порядкѣ приема младенцевъ въ Павловскій пріютъ, масса дѣтей гибнетъ отъ рукъ самихъ матерей, которыя варварски бросаютъ свой плодъ на улицу, въ сорныя и помойныя ямы и даже просто убиваютъ, желая избѣжать позора огласки „преступнаго рожденія“...

Никто изъ гласныхъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи, не сказалъ по этому, крайне важному вопросу, ни единого слова. Остается, поэтому, думать, что въ устройствѣ „люльки“ дѣйствительно ощущается крайняя необходимость... Но такъ-ли? Дѣйствительно-ли „люлька“ можетъ служить избавительницею „плода любви несчастной“ (а еще больше—преступной) отъ гибели? Дѣйствительно-ли дѣти, брошенныя въ „люльку“ безъ всякаго стѣсненія и отданныя затѣмъ на вскормленіе „мамкамъ“, останутся жить на пользу общества и государства? А если такъ, то не послужить-ли открытіе „люльки“ (которая существовала въ Одессѣ и была уничтожена) соблазномъ для еще большаго зла, отъ котораго общество никакими „люльками“ не въ со-

стояніи будетъ избавится? Давно уже установлено, что бросають дѣтей люди преимущественно безнравственные, невѣжественные, развратные, и въ исключительныхъ случаяхъ — настоящіе бѣдняки, способные работать и заботиться о своихъ дѣтяхъ, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ вынужденные разстаться съ своими чадами.

Увеличеніе числа подкидышей свидѣтельствуетъ о половой распущенности, о нравственномъ паденіи общества. А въ такихъ случаяхъ нужно лекарство болѣе дѣйствительное, радикальное... „Люлька“ — же — т. е. самый легкій способъ отдѣлаться отъ послѣдствій „любви преступной“, — еще больше станетъ располагать къ „любви“, — благо общество приметъ „плодъ“ на свое попеченіе: узды ни какой, а потому и думать много не стоитъ...

Не напрасно-же вопросъ о подкидышахъ въ исторіи всѣхъ европейскихъ цивилизованныхъ народовъ является „Гордіевымъ узломъ“, распутать который не въ состояніи никакая частная благотворительность и никакія общественныя и государственныя мѣры? Это, какъ мы увидимъ ниже, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ соціальныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ котораго глубоко призадумывались государи и выдающіеся государственные дѣятели Европы... А тутъ вдругъ — „принимаемъ!“... Что? Какъ? Для чего принимаемъ? — Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта.

Всякая филантропія, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о гуманнхъ чувствахъ, о добротѣ сердечной въ той или иной степени, но та же филантропія весьма часто является орудіемъ обоюдоострымъ, которое не столько защищаетъ, сколько разитъ самого-же обладателя орудія: филантропія, практиковавшаяся въ Англіи въ широкихъ размѣрахъ, вполне подтверждаетъ это. Да и у насъ, въ Россіи, нищенство развито, главнымъ образомъ, благодаря господству частной филантропіи, вытекающей изъ простой чувствительности или тщеславія. Подачки только способ-

ствують развитію пауперизма, а не искореняють его. Бѣднякъ, открыто протягивающій руку за подаваніемъ и часто получающій его,—какъ работникъ потерянь для общества, въ особенности если ему скажутъ, что онъ можетъ пользоваться подачками во всякое время дня и ночи и никакого возврата отъ него не потребуется.

Не опасаясь нисколько навлечь на себя нареканія въ безсердечіи и отсутствіи гуманнхъ чувствъ, на что весьма падки особенно тѣ, кто сами никогда никому копѣйки своей не дали, мы, открыто заявляемъ, что въ борьбѣ съ страшнымъ общественнымъ зломъ — бросаніемъ дѣтей на улицу и смертностью ихъ — можетъ помочь не „люлька“, даже не тысячи такихъ „люлекъ“, а нѣчто болѣе дѣйствительное...

Мы не имѣемъ въ виду категорическое рѣшеніе вопроса, не мнимъ себя авторитетомъ и предлагаемая ниже мѣры въ борьбѣ со смертностью дѣтей не считаемъ не погрѣшимыми, но на основаніи изслѣдованій и статистическихъ данныхъ хотимъ доказать, что простое „филантропическое увлеченіе“, одна сентиментальная „благотворительность“ (а она, къ сожалѣнію, въ современномъ европейскомъ обществѣ имѣетъ характеръ пустой „барской забавы“), никогда не способна избавить общество отъ тѣхъ золъ, которые являются слѣдствіемъ невѣжества, пьянства и развращенности массъ, а на-оборотъ — часто способствуетъ развитію нищенства и витающихъ отсюда пороковъ. Сентиментальная и показная (фальшивая) „благотворительность“ тормозитъ, въ сущности, развитіе гражданственности, ибо съ одной стороны способствуетъ развитію пауперизма, а съ другой—отвлекаетъ много силъ и матеріальныхъ средствъ отъ настоящаго дѣла, отъ здравыхъ и дѣйствительно полезныхъ починаній. *Подачками*, т. е. поощреніемъ нищенства и разврата нельзя излечить язвы общества.

Филантропія, какою она является въ настоящее время, также какъ и медицина, отодвигающая на задній планъ гигиену, т. е.

предупредительныя мѣры, способны только залечивать общественныя силы, но не вылечивать ихъ кореннымъ образомъ: залеченная въ одномъ, язва въ болѣе страшномъ видѣ появляется въ другомъ мѣстѣ организма...

„Употребляя множество усилій, чтобы сохранить жизнь хилыхъ дѣтей и продолжить существованіе слабыхъ и калѣкъ, говорить Шереръ,—мы, однако, не замѣчаемъ, что такимъ образомъ мы разрушаемъ здоровье, красоту и силу будущихъ поколѣній. „Не можетъ-ли это вполнѣ примѣниться и къ нашимъ усиліямъ вырвать изъ рукъ смерти брошенныхъ дѣтей,—вырвать ихъ у нея, не думая о томъ, по всей вѣроятности, грустномъ существованіи, которое готовится имъ“ *),—замѣчаетъ по этому поводу де-Осонвиль. „Кромѣ обычнаго невниманія къ факту,—говоритъ Гербертъ Спенсеръ,—что физическія качества общества понижаются отъ искусственнаго предохраненія слабѣйшихъ членовъ его, очень часто встрѣчаемъ невниманіе къ другому факту, что нравственныя и умственныя качества обще-

*) Осматривая «воспитательныя дома» въ Москвѣ и Петербургѣ, авторъ съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что дѣти сифилитиковъ, алкоголиковъ и проч. такъ называемые «хроника» сравнительно находятся въ лучшихъ условіяхъ чѣмъ остальные дѣти. Какая масса силъ и средствъ затрачивается на тѣхъ, изъ которыхъ никогда ничего не выйдетъ и которые самой судьбой обречены на гибель... Если-же ничтожный процентъ хрониковъ и остается существовать, то мы легко можемъ представить себѣ, какое потомство произойдетъ отъ нихъ и сколько вреда получится для общества въ послѣдствіи. А между тѣмъ, какая масса дѣтей отъ вполнѣ здоровыхъ и физически и духовно родителей гибнетъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и также вслѣдствіи своеобразности нашей «гуманности»... Въ Москвѣ существуетъ приютъ, въ которомъ дѣти преступниковъ и пьяницъ обставлены въ матеріальномъ и педагогическомъ отношеніяхъ лучше дѣтей, воспитывающихся въ первоклассныхъ заведеніяхъ, но несмотря на всѣ усилія сдѣлать ихъ полезными, громадный процентъ оказывается ни на что не способными и многіе идутъ по стопамъ родителей. А дѣти честныхъ и здоровыхъ работниковъ десятками погибаютъ на глазахъ тѣхъ-же «благотворителей»...

ства понижаются вследствие искусственного сохранения индивидуумовъ, меньше другихъ способныхъ заботиться о самихъ себѣ. Кто не признаетъ, что дѣти по ихъ характеру и способностямъ имѣютъ сходство съ своими предками, кто утверждаетъ, что сыновья и внуки преступниковъ имѣютъ также стремленіе къ добру, какъ и тѣ, чьи родители и предки были люди трудолюбивые и честные, тотъ имѣетъ полное право утверждать, что для общества рѣшительно все равно, отъ какихъ семействъ происходятъ послѣдующія поколѣнія... Но, даже не принимая такого нелѣпаго мнѣнія, необходимо признать, что социальное устройство, при которомъ задерживается размноженіе людей умственно лучшихъ и облегчается размноженіе людей умственно и физически худшихъ, должно быть крайне вредно»...

«Стремясь къ смягченію зла данной минуты, филантропія упорно не замѣчаетъ косвеннаго вреда“... А что вредъ „люльки“ для общества получится громадный,—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Пользуясь безконтрольнымъ правомъ отдавать дѣтей на воспитаніе общества, въ „люльку“ станутъ бросать дѣтей и такіе родители, которые при существующихъ условіяхъ заботятся о нихъ сами. Между тѣмъ, при существованіи „люльки“ всякая отвѣтственность за наслажденія любовью съ виновныхъ снимается и для нихъ открывается свободное поле...

Повторяемъ, „люлькою“ станутъ пользоваться, главнымъ образомъ, зловредные члены общества, подонки его, плодящіе себѣ подобныхъ. Какое значеніе имѣетъ „люлька“ для общества, какимъ страшилищемъ она является для государства, видно изъ того, что покойный германскій императоръ Вильгельмъ I положительно запретилъ устраивать ясли по всей Германіи и въ своемъ завѣщаніи умолялъ исполнять его приказаніе хоть по крайней мѣрѣ въ теченіе ста лѣтъ послѣ его смерти. И въ Германіи нигдѣ „люлекъ“ не существуетъ... Тамъ и число подкидышей значительно меньше, нежели въ другихъ госу-

дарствахъ. За помѣщеніемъ-же дѣтей въ воспитательные дома и пріюты существуетъ строгій контроль. Во Франціи всюду практикуется тоже. Между тѣмъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, „люльки“ существовали...

Перейдемъ теперь къ исторіи даннаго вопроса и, насколько позволяютъ размѣры газетной статьи *), постараемся познакомить читателей съ тѣмъ, что дѣлалось для подкидышей на западѣ и у насъ въ Россіи и что дѣлается въ настоящее время.

Въ то время, какъ волчица, тигрица, собака, курица, воробей и т. п. животныя и птицы, произведя на свѣтъ себѣ подобныхъ, напрягаютъ всѣ силы, чтобы отстоять ихъ, воспитать своихъ дѣтенышей до извѣстнаго возраста и при случаѣ защищаютъ свой плодъ съ опасностью собственной жизни, — одинъ только человѣкъ, „вѣнецъ творенія“, часто не шадитъ свое дѣтище и способенъ убить его собственными руками, или поступить съ нимъ варварскимъ образомъ. Только человѣкъ способенъ вовсе не заботиться о своихъ собственныхъ дѣтяхъ!

Бросаніе новорожденныхъ и дѣтей вообще практиковалось людьми въ самыя древнія времена, но это были факты единичные. Съ началомъ же христіанства стали все чаще и чаще появляться заботы о подкидышахъ. Первое серьезное постановленіе относительно подкидышей появилось во времена Константина. Но несмотря однако на законы Константина и Юстиніана, изданные для сохраненія жизни дѣтей, подкидывать ихъ не переставали, и дѣти погибали въ большомъ числѣ. Въ 442 году на соборахъ было рѣшено, чтобы священники убѣждали беременныхъ дѣвицъ класть новорожденныхъ около церковныхъ дверей, въ нишахъ, приспособленныхъ для принятія ихъ, а также и всѣ, не бывшіе въ состояніи воспитывать дѣтей, приглашались передавать ихъ церковнымъ старостамъ. Также распоряженіе было сдѣлано и въ 581 году.

*) Статья эта была напечатана въ газетѣ «Нов. Телегр.» въ декабрѣ 1890 г.

Этими постановленіями положено начало воспитанія дѣтей церковью; соборы начали высказываться за наказаніе дѣтоубійць и за воспитаніе дѣтей церковью или частными лицами, которыми церковь отдавала этихъ дѣтей, и они оставались впослѣдствіи рабами своихъ воспитателей *).

Несмотря, однако, на всѣ постановленія соборовъ и святыхъ отцовъ, въ седьмомъ вѣкѣ нищета была такъ велика, что людямъ не было никакого дѣла до сохраненія дѣтей. Дѣти гибли безъ помощи цѣлыми тысячами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣтей выводили, какъ животныхъ, и продавали за ничтожную плату. Но мало того, что продавали своихъ собственныхъ дѣтей: они воровали чужихъ и вели ихъ на рынокъ, чтобы выручить деньги за этотъ «живой товаръ». Ирландцы даже приняли христіанство подъ условіемъ, чтобы имъ было позволено «бросать дѣтей» **). Первый воспитательный домъ былъ основанъ въ 787 году миланскимъ архіепископомъ Дотеемъ. Второй воспитательный домъ былъ открытъ въ 982 году, въ Бергамо, тоже при церкви. Затѣмъ въ 1041 году былъ открытъ сиротскій домъ на частныя средства въ Лайбахѣ. Въ 1070 году— въ Монпелье, въ 1161 году во Флоренціи, а въ 1180 г. учреждается второй воспитательный домъ въ Монпелье, тоже на частныя средства. Въ тоже время былъ учрежденъ орденъ св. Духа, которому и обязано общество распространеніемъ воспитательныхъ домовъ въ разныхъ странахъ. Такимъ образомъ католическая церковь создавала всевозможные сборы и налоги, чтобы собрать денежные суммы, необходимыя, по ея словамъ, для помощи бѣднымъ и спасенія душъ богатыхъ, и богатѣла сама, тогда какъ *число нищихъ все росло и росло*. Бѣднымъ доставалась самая незначительная часть изъ пожертвованій богатыхъ людей, львиная-же часть шла на обогащеніе слу-

*) Арх. суд. мед. 1868 г. № 1, от. III, стр. 87.

**) А. Михайловъ. «Наши дѣти», стр. 83.

жителей католической церкви, живших по королевски. Имъ выгодно было плодить нищету. Съ открытіемъ воспитательныхъ домовъ, при всеобщей бѣдности и невѣжествѣ, конечно, тоже не уменьшалось, а увеличивалось число брошенныхъ дѣтей и, тѣмъ больше росло ихъ число, тѣмъ болѣе дѣлалось вкладовъ въ церковь, хотя тратилось на дѣтей очень не много и они находились въ самомъ жалкомъ положеніи нищеты и невѣжества. Дѣти гибли, какъ мухи.

Съ введеніемъ протестантизма, забота о бѣднякахъ перешла отъ церкви къ обществу и государству. Начали уничтожаться и воспитательные дома при церквахъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ водворялся протестантизмъ. Въ этихъ государствахъ стали признавать, что воспитательные дома только поощряютъ людей отказываться отъ воспитанія дѣтей, и что прежде всего необходимо позаботиться о принужденіи родителей воспитывать собственныхъ дѣтей.

Лондонскій воспитательный домъ, первоначально основанный на 400 дѣтей, въ 1752 году вмѣщалъ въ себѣ до 1000 душъ. Вслѣдствіе парламентскаго постановленія, въ 1756 году, принимались въ него всѣ дѣти, принесенныя кѣмъ-либо, и въ тоже время открыты были подобныя дома въ графствахъ. Спустя четыре года, число подкидышей въ лондонскомъ домѣ увеличилось до 6000. Тогда парламентъ пришелъ въ ужасъ отъ такой огромной цифры и поспѣшилъ измѣнить назначеніе этихъ домовъ, запретивъ принимать тѣхъ дѣтей, у которыхъ есть матери. Что-же касается, подкидышей (т. е. незаконнорожденныхъ), то онъ постановилъ, по предложенію одного современнаго филантропа, чтобы церковныя приходы сами заботились о нихъ; чтобы всѣ новорожденные передавались кормилицамъ, а взрослые дѣти помѣщались въ рабочіе дома. Подкидываніе дѣтей строго запрещалось на будущее время. Съ того времени всякая мать, замужня или нѣтъ, обязана была кормить своего ребенка. Въ законѣ было сказано: „всякій ребенокъ, у котораго

есть мать, не имѣть права на пособіе, сама-же мать можетъ требовать его, если она бѣдна, но ребенокъ ничего не получаетъ“. Въ тридцатыхъ годахъ содержаніе подкидышей обходилось въ Англіи свыше 17 мил. фран. въ годъ, а число ихъ доходило въ то время до 70.000. Въ Пруссіи были воспитательные дома для подкидышей въ прошломъ столѣтіи, но они мало-по-малу уничтожались и послѣдній изъ нихъ былъ закрытъ въ 1800 году. вмѣсто нихъ въ Берлинѣ франкмасоны основали сиротскіе пріюты и другія благотворительныя учрежденія, куда поступаютъ подкидыши и брошенные дѣти; въ провинціяхъ-же, гдѣ нѣтъ такихъ заведеній, общины обязаны о нихъ заботиться.

Посмотримъ теперъ, какова участь дѣтей, попавшихъ въ воспитательные дома и отданныхъ затѣмъ на воспитаніе частнымъ лицамъ. „Когда убиваютъ ребенка, говоритъ д-ръ Михайловъ — общество теряетъ извѣстную человѣческую единицу, и только. Когда-же бросаютъ дитя—вопросъ дѣлается сложнѣе: изъ этого ребенка можетъ выработаться такая личность, что обществу было-бы гораздо выгоднѣе вовсе не имѣть ея въ своей средѣ“.

Въ парижскихъ воспитательныхъ домахъ, какъ видно изъ отчетовъ 1790 года, *изъ ста душъ пошло больше восьмидесяти пяти въ первый годъ жизни, или даже въ первые мѣсяцы жизни.* Три отдѣленія главнаго воспитательнаго дома, — ясли, госпиталь св. Антонія и Важирардскій госпиталь, — были главными мѣстами гибели дѣтей. Эти заведенія съ 1774 по 1790 годъ *приняли 101,000 дѣтей, но изъ этого числа осталось въ живыхъ только 15,000 человекъ.* Правительство пришло въ ужасъ при видѣ этого зла; начались громкія рѣчи о необходимости улучшенія и тайныя соображенія, гдѣ взять матеріальныя средства для измѣненія положенія дѣлъ. Издавались разные декреты на счетъ того, какъ называть дѣтей: «подкидышами» или «сиротами»; давались обѣщанія матерямъ дѣвуш-

камъ, вскармливающимъ своихъ дѣтей, помогать имъ и хранить въ «строжайшей тайнѣ» ихъ положеніе; но сущность дѣла не измѣнилась вовсе; въ 1797 году *изъ 108 дѣтей*, посланныхъ въ Нормандію, *умерло 101 дитя*, а изъ числа 3716 дѣтей, принятыхъ въ воспитательный домъ *умѣло только 608...* Число-же подкидышей все росло и росло...

Дѣтей не только приносили сами родители, но существовали комисіонеры, *бравшіеся доставлять изъ провинціи дѣтей въ воспитательные дома*; они обходили города и деревни, забирали дѣтей, «запаковывали» ихъ въ ящики, прицѣплявшіеся къ спинѣ, дѣти помѣщались здѣсь рядышомъ, стоя; ихъ головамъ былъ открытъ доступъ свѣжаго воздуха; крестьяне называли эти ящики «чистилицами»; въ дождь и градъ, въ снѣгъ и зной, останавливаясь только для ѣды, шелъ комисіонеръ съ своими ящиками дальше и дальше. Иногда одно изъ дѣтей умирало, тогда онъ бросалъ трупъ въ яму, продолжая путь, торопясь сдать ребятъ, чтобы снова отправиться въ провинцію «для добыванія своего хлѣба»... *).

При Наполеонѣ I, когда положеніе дѣтей измѣнилось къ лучшему, а за дѣтоубійство грозила смертная казнь, явилась возможность бросать дѣтей, не прибѣгая къ дѣтоубійству, и были тысячи причинъ, заставлявшихъ людей освобождаться отъ «лишней обузы», т. е. отъ своихъ собственныхъ дѣтей. Въ 1748 г. Неккеръ насчитывалъ не болѣе 40,000 брошенныхъ дѣтей; между тѣмъ, цифра эта оказывается ничтожной въ сравненіи съ числомъ брошенныхъ дѣтей въ слѣдующіе годы:

Въ 1798 г.	было брошено	51,000 дѣтей.
„ 1801 „	„ „ „	63,000 „
„ 1809 „	„ „ „	69,000 „
„ 1815 „	„ „ „	84,500 „

*) М. Дю-Канъ.

Въ 1816 г.	было брошено	87,700	дѣтей.
„ 1817 „	„ „ „	92,200	„
„ 1818 „	„ „ „	98,100	„
„ 1821 „	„ „ „	105,700	„
„ 1825 „	„ „ „	119,876	„
„ 1833 „	„ „ „	132,000	„ *)

Скоро правительство пришло къ убѣжденію, что облегченію доступа въ воспитательные дома *увеличило число подкидышей* и тамъ, гдѣ существовали туры („люльки“), *число подкидышей было значительно больше, чѣмъ тамъ, гдѣ ихъ не было.* Съ увеличеніемъ числа подкидышей увеличились, конечно и расходы, и съ 1824 по 1833 годъ французское правительство затратило на воспитательные дома 97.775,000 франк. Расходы эти, само собою разумѣется, обрушивались тяжелымъ гнетомъ на трудящуюся и производительную часть населенія, которое должно было уплачивать очень большіе налоги, чтобы поддержать дѣтей тѣхъ, которые менѣе всего платились за свои грѣхи. Тогда правительство предписало префектамъ и генеральнымъ совѣтамъ принять необходимыя *мѣры для уменьшенія наплыва питомицевъ...*

Въ 1834 году состоялось распоряженіе о постепенномъ перемѣщеніи ихъ въ главные города 60-ти департаментовъ, *а 185 домовъ съ люльками были закрыты въ теченіе пяти лѣтъ. Вслѣдствіе такихъ мѣръ число покинутыхъ дѣтей уменьшилось въ 1838 году до 95.624. Эта мѣра сдѣлала то, что родители взяли изъ заведенія 8.000 питомицевъ, изъ коихъ $\frac{1}{10}$ оказались законнорожденными.* Затѣмъ сдѣланы были распоряженія, чтобы пріемъ дѣтей производился съ протоколомъ полицейскаго комиссара, запрещено акушеркамъ класть дѣтей въ люльки и предписано доставлять ихъ только черезъ полицію. Люльки уничтожены во Франціи и до настоящаго времени тамъ

*) Михайловъ. „Наши дѣтя“, стр. 100.

и не думаютъ ихъ открывать. Приемъ же дѣтей въ воспитательный домъ затрудненъ вопросомъ матерей, почему онѣ хотятъ бросить свое дитя и проч.

По этому поводу Де-Осонвиль приводитъ такой фактъ:— «Зачѣмъ вы подкидываете свое дитя? спросили у одной женщины.— *Да просто потому, что я хочу еще погулять, отвѣтила «мать»...*

По изслѣдованіямъ, въ 1860 году смертность дѣтей въ парижскихъ воспитательныхъ домахъ доходила до 50 на 100. Въ настоящее же время, говорятъ, цифры смертности всѣхъ вспомошествоваемыхъ дѣтей дошли до 30 на 100; но эти цифры могутъ считаться едва ли вѣрными, потому что во Франціи до сихъ поръ раздаются очень сильныя протесты противъ смертности воспитанниковъ воспитательнаго дома, который, замѣтимъ кстати, считается, лучшимъ изъ воспитательныхъ домовъ западной Европы и противопоставить ему можно развѣ только наши воспитательные дома, замѣчаетъ г. Михайловъ.

Такимъ образомъ, воспитательные дома, какъ показалъ долгій опытъ, вовсе не способствуютъ уменьшенію смертности дѣтей, а весьма часто бываетъ на оборотъ, что мы и видѣли изъ вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ.

«Есть воспитательные дома—будутъ и подкидыши, говоритъ Гуфеландъ,—т. е., тамъ, гдѣ есть воспитательные дома, потому именно и родится больше незаконныхъ дѣтей, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ этихъ домовъ, ибо родители, живущіе ли въ бракѣ или нѣтъ, могутъ безъ опасенія производить на свѣтъ дѣтей, если не имѣютъ надобности заботиться о ихъ будущности». Неккеръ говоритъ, что «общество смотритъ на воспитательные дома, какъ на общественныя, въ которыхъ правительство заблагоразсудило кормить и воспитывать дѣтей бѣднѣйшихъ подданныхъ и это мнѣніе, распространившись въ народъ, *ослабляло семейныя связи*». И съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Тамъ, гдѣ общество нравственно пало, гдѣ

пьянство и развратъ пустили глубокіе корни, устройство „люльки“ только можетъ способствовать этому, нисколько не уменьшая смертности дѣтей.

„Для остановки движенія народонаселенія, — говоритъ Мальтусъ, — стоитъ только основать достаточное количество воспитательныхъ домовъ, куда бы принимали всякихъ дѣтей безъ разбора и ограниченія“. И многіе изслѣдователи вполнѣ подтверждаютъ слова Мальтуса о чрезмѣрной смертности дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Бросаютъ дѣтей преимущественно тамъ, гдѣ сильно развита промышленная и фабричная дѣятельность, дающая заработки, но приучающая къ разврату, къ разгулу, между тѣмъ среди земледѣльческаго населенія подобное явленіе бываетъ исключеніемъ.

Термъ и Монфонкольмъ указываетъ на то, что „среди бѣднаго населенія иногда является рѣже подкидываніе дѣтей“, чѣмъ среди населенія, болѣе обеспеченнаго. Замѣчаніе это окажется вполнѣ основательнымъ, если принять во вниманіе, что послѣ закрытія „туровъ“ — „люлекъ“ во Франціи, *восемь тысячъ дѣтей* были взяты родителями изъ воспитательныхъ домовъ. Ясно, что они могли содержать своихъ дѣтей безъ посторонней помощи.

„Бросанье дѣтей существовало и существуетъ независимо отъ существованія и несуществованія воспитательныхъ домовъ. Уничтожить причины бросанья дѣтей не можетъ ни открытіе воспитательныхъ домовъ, ни уничтоженіе ихъ, и если общество возмущается бросаніемъ дѣтей, то оно должно серьезно заботиться главнымъ образомъ *объ искорененіи этихъ причинъ*. Въ воспитательныхъ домахъ смертность велика, но смертность незаконнорожденныхъ вездѣ велика, потому что это дѣти нужды или разврата, потому что матери-дѣвушки должны лишаться дѣтей ухода въ самомъ нѣжномъ возрастѣ“ *). „Не малый инте-

*) Сборн. по судебн. медиц. 1876 г., т. III, статья Лоньо: «Незаконнорожденность и вліяніе ея на смертность».

ресъ для медика-статистика, говорить Эстерленъ, представляютъ незаконнорожденные—эти паріи нашего общества, жертвы нищеты или легкомыслія и развращенности ихъ родителей. Во всѣхъ отношеніяхъ, по тѣлу, уму и нравственности, составляютъ они вообще слабое, вырождающееся поколѣніе. Одинъ тотъ фактъ, что они происходятъ изъ внѣбрачнаго, незаконнаго сожительства, дѣлается для нихъ могучею причиною болѣзненности и смертности. Среди общей цифры болѣзненности и смертности, въ каждой странѣ они представляютъ значительный и, кромѣ того, постоянно возрастающій континентъ какъ въ простыхъ болѣзняхъ, такъ и въ умственныхъ болѣзняхъ, въ сумасшествіи, въ самоубійствѣ и въ преступленіи⁴⁴. Конечно, бываетъ и такъ, что изъ „незаконнорожденныхъ“ выходятъ выдающіеся, гениальные люди, но это рѣдкое исключеніе. А. Корнъ говоритъ, что изъ 8000 молодыхъ преступниковъ во Франціи въ 1864 г. 60% незаконнорожденныхъ дѣтей и 38,5% происходили отъ бродягъ, проститутокъ и преступниковъ. Горнъ замѣчаетъ, что большая часть дѣвушекъ, родившихся внѣ брака въ родильныхъ домахъ, возвращается въ эти дома, чтобы родить незаконныхъ дѣтей. Въ Парижѣ и Гамбургѣ значительная часть проститутокъ были—незаконнорожденные дѣвушки *). Конечно, кромѣ наслѣдственности, въ данномъ случаѣ играютъ немаловажную роль и другія, соціально-бытовые условія. Но несомнѣнно, что изъ брошенныхъ дѣтей, при существующихъ условіяхъ, почти всегда выходятъ порочные члены общества и никакіе воспитательные дома не сдѣлаютъ ихъ лучшими. Общество должно всѣми силами стремиться къ подавленію распутства, а не способствовать разврату различными палліативами, которые только подрываютъ семейныя начала.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что никакія „ясли“, никакія „люльки“ не могли препятствовать смертности дѣтей,

*) А. Михайловъ. «Наши дѣти».

когда эти дѣти зачаты отъ болѣзни и когда смерть ихъ неизбежна. Печалиться и удивляться тому, что дѣти умираютъ, — по меньшей мѣрѣ, наивно, ибо выживаютъ только наиболѣе сильныя: это непреложный биологическій законъ. Процентъ смертности дѣтей всюду великъ, это ясно, какъ Божій день, но общество, должно, главнымъ образомъ, зботиться о воспитаніи здороваго поколѣнія. А для этого намъ нужны не „люльки“, а болѣе дѣйствительныя, болѣе раціональныя, разумныя мѣры. Необходимо заботиться о поднятіи нравственнаго уровня общества, о его матеріальномъ благосостояніи, необходимо строго карать развратъ, а не поощрять его. Запрещайте дѣвушкамъ и вообще женщинамъ шататься по трактирамъ и кабакамъ, уменьшите пьянство, запретите кафе-шантаны, показыванье обнаженныхъ женщинъ, печатаніе скабрзныхъ романовъ, — и это, по всей вѣроятности, окажется болѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ со зломъ. Устроить „люльку“ не трудно и даже весьма легко, но что выйдетъ изъ этого, — вотъ вопросъ. Отчасти мы уже познакомились съ тѣмъ, что дѣлалось въ отношеніи подкидышей на западѣ и вообще въ этомъ направленіи, а теперь перейдемъ къ краткому обзору дѣятельности воспитательныхъ домовъ въ Россіи и посмотримъ, какую роль играли „люльки“ въ отношеніи подкидышей у насъ. Ниже мы увидимъ, что при существованіи „люлекъ“ открывается широкое поле „дѣятельности“ для всякихъ Скублинскихъ, хотя и на иныхъ основаніяхъ.

II.

С. С. БИБЛИОТЕКА
ПО НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

Познакомившись съ тѣмъ, что было сдѣлано и что дѣлается для брошенныхъ дѣтей въ цивилизованныхъ государствахъ Европы, посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи это сложное и трудное дѣло человѣколюбія у насъ, въ Россіи. Какъ и во всемъ мірѣ, гдѣ существуютъ человѣческія общества, въ Россіи

также дѣтубійство и бросаніе дѣтей существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Въ особенности это зло усиливалось во время народныхъ бѣдствій: неурожаевъ, голодovieкъ, эпидемій, нашествія непріятели, разорявшаго благосостояніе населенія городовъ и деревень, въ смутные годы междуусобій и тому подобныхъ несчастій, когда каждый стремился избѣжать грозившей опасности, всячески стараясь освободить себя отъ лишней обузы“... Часто родители, гонимые непріятеlemъ убивали дѣтей собственными руками, не желая оставить „свой плодъ“ врагу, который поступалъ съ дѣтьми еще болѣе варварскимъ образомъ. Бросаніе дѣтей родителями практиковалось всегда и при болѣе нормальныхъ условіяхъ. Въ старину очень часто сотни дѣтей, брошенныхъ на произволь судьбы, попадали въ монастыри, въ руки нищихъ, бродягъ, фигляровъ, причемъ большинство ихъ становилось, конечно, такими же нищими, бродягами, убійцами и разбойниками, какъ и „воспитатели“ ихъ. Да иначе и быть не могло. Масса же дѣтей гибла подобно щенкамъ, такъ какъ государство и общество юридически о нихъ не заботилось. Брошенные дѣти были тогда настоящими отверженцами, паріями, которыхъ спасала отъ смерти простая случайность.

„Воспитательные дома“ впервые появились въ Россіи лишь при Петрѣ I по инициативѣ новгородскаго митрополита Іова, который устроилъ на свои средства около десяти пріютовъ для брошенныхъ дѣтей. Это было въ 1707 г. Въ Новгородѣ, въ пріютахъ Іова, воспитывалось тогда до трехъ тысячъ дѣтей. Петръ Великій обратилъ на это серьезное вниманіе. Видя, какая масса незаконнорожденныхъ дѣтей гибнетъ въ государствѣ, Петръ I издалъ въ ноябрѣ 1715 года указъ, повелѣвавшій устроить въ Москвѣ и другихъ городахъ „госпитали“, въ которыхъ были сдѣланы, по примѣру подобныхъ-же учреждений на западѣ, окна (тѣ-же „люльки“), въ которыя можно было класть дѣтей такъ, чтобы никто не видѣлъ, кто ихъ приноситъ. Отъ сената было разослано 20,000 жителей во всѣ города Россіи

съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ. Петръ I назначилъ на содержаніе этихъ первыхъ воспитательныхъ домовъ доходы съ нѣкоторыхъ монастырей и казенныхъ оброчныхъ статей. Дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, Петръ I называлъ «*дѣтьми зазорными*». А при эмансипаціи женщинъ, которыхъ Петръ Великій освободилъ изъ душевной темницы мужа-деспота и для которыхъ приказалъ устраивать „ассамблеи“, — число „зазорныхъ“ дѣтей въ городахъ замѣтно стало увеличиваться. Это печальное явленіе не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Императора и онъ рѣшился обратить его на пользу государства: онъ серьезно заботился объ увеличеніи народонаселенія—ему нужны были солдаты...

Въ указахъ Петра повелѣвалось избирать искусныхъ женъ для сохраненія жизни „зазорныхъ младенцевъ“, причемъ на мамокъ и нянекъ отпускалось по 3 руб. въ годъ и муки по два четверика въ мѣсяцъ, и на прокормленіе каждаго младенца шло по 3 денежки въ день. По достиженіи зрѣлаго возраста, мальчиковъ отдавали въ ученіе ремесленникамъ, а дѣвочекъ — въ услуженіе къ разнымъ лицамъ на всю жизнь или выдавали замужъ. Число-же подкидышей—„зазорныхъ дѣтей“, — все росло и росло, ибо за дѣтоубійство по закону Петра Великаго грозила смертная казнь. (До Петра I, русское духовенство, по примѣру византійскаго, назначало за дѣтоубійство только эпитеміи). Дѣло призрѣнія покинутыхъ и внѣ брака рожденныхъ дѣтей быстро подвигалось впередъ; скоро „гошпиталѣ“ не въ состояніи были вмѣщать всѣхъ дѣтей, которыхъ приносили туда со всѣхъ сторонъ, — что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что у родителей явилась возможность освобождаться отъ дѣтей безъ всякаго стѣсненія, не прибѣгая къ помощи дѣтоубійства.

Сохраненіе тайны тѣхъ лицъ, дѣти которыхъ должны были поступить въ воспитательные дома, вызывалось, конечно, тѣмъ, что многія матери принадлежали къ среднему классу народа. Для огромнаго большинства простого народа сохраненіе такой

тайны было излишне, какъ показали опыты всѣхъ государствъ, въ которыхъ существовали воспитательные дома и „люльки“.

„Но въ тѣ времена нравы были еще суровы, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь по вопросу о брошенныхъ дѣтяхъ, и даже невинныхъ дѣтей клеймили „засорными“, а виновную мать карали сверхъ мѣры и родительская, и духовная, и гражданская власть.

Если такое лицо, какъ Петръ Великій, признавалъ необходимымъ сохраненіе тайны приноса внѣ брака рожденныхъ дѣтей, то это, значить, было дѣйствительно необходимо. И такъ, децентрализація, частныя пожертвованія, пособіе казны, семейный характеръ, женскій надзоръ и уходъ за дѣтьми, сохраненіе тайны, а въ дополненіе ко всему, участіе духовенства — вотъ главныя основанія первыхъ воспитательныхъ домовъ въ Россіи, какъ истинныхъ домовъ милосердія. Но соответствовало-ли все это той цѣли, къ которой стремились, т. е. сохраненіе жизни внѣ брака рожденныхъ дѣтей, которыхъ именно и имѣлъ въ виду Петръ I въ своемъ указѣ 1715 года? Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ статистическихъ свѣдѣній о результатахъ дѣятельности воспитательныхъ домовъ Петровскаго періода. Но есть основанія предполагать, что результаты были плачевны. Послѣ Петра Великаго воспитательные дома быстро стали всюду закрываться одинъ за другимъ, и такъ называемыя „засорныя“ дѣти, не пользовавшіяся и безъ того ничѣмъ сочувствіемъ, лишеныя покровительства со стороны государства, а потому составлявшія своего рода касту общественныхъ парій, начали гибнуть.

При Аннѣ Іоанновнѣ мальчиковъ приказано было опредѣлять въ гарнизонныя школы, чтобы, по достиженіи ими совершеннолѣтія, опредѣлять на службу вмѣсто рекрутъ, а дѣвочекъ отдавать на фабрики или въ услуженіе. При Елизаветѣ Петровнѣ дѣтей воспитательныхъ домовъ приказано было приписывать къ цехамъ и посадамъ, по ихъ желанію, а годныхъ къ военной службѣ записывать въ солдаты и отсылать въ военную

коллегію. Если-же кто не пожелаетъ приписаться къ цехамъ и посадамъ и идти въ военную службу, то закрѣпляютъ ихъ за помѣщиками, фабрикантами или желающими взять ихъ въ услуженіе съ обязательствомъ платить подушные оклады. Вообще подкидышей укрѣпляли за воспитателями и если взрослый воспитанникъ рѣшался перейти къ другому лицу, то его наказывали батогами и возвращали къ воспитателю. Такимъ образомъ, эти дѣти становились крѣпостными и обрекались навсегда на самую тяжелую жизнь тогдашнихъ холоповъ. Спасеніе ихъ отъ смерти въ дѣтскомъ возрастѣ едва-ли можно было, вслѣдствіе этого, считать за благодѣяніе, хотя оно, конечно, и сохраняло для общества извѣстное количество рабочихъ силъ. При закрѣпощеніи найденышей дѣлалось даже исключеніе изъ общаго правила: попы и „подлые люди“, т. е. купцы, разночинцы и крестьяне, не имѣли права владѣть крѣпостными, но воспитанники могли быть ихъ крѣпостными. Эта мѣра повела къ тому, что стало являться много желающихъ взять подкидышей „на воспитаніе“, но можно себѣ представить, какая участь ждала несчастныхъ дѣтей у этихъ „подлыхъ людей“, бравшихъ питомца, чтобы имѣть хоть одного дароваго раба.

Какъ и бродяги, „зазорныя“ дѣти считались тогда совершенно безправными. Крутой поворотъ на новый путь въ вопросѣ о подкидышахъ сдѣланъ былъ только при Екатеринѣ II. Въ 1763 году Екатерина Великая учредила въ Москвѣ воспитательный домъ съ особымъ госпиталемъ для неимущихъ роженицъ, Главнымъ руководителемъ въ дѣлѣ устройства воспитательныхъ домовъ въ Европѣ и желавшій не только спасать жизнь обреченныхъ на гибель дѣтей, но и образовать изъ питомцевъ воспитательнаго дома *«среднее сословіе—будущую интеллигенцію Россіи»*.

Его взгляды въ этомъ отношеніи сложились подъ влияніемъ великихъ западно-европейскихъ мыслителей того времени, мечтавшихъ объ обновленіи и возрожденіи общества.

Правила относительно брошенных дѣтей, составленныя Бецкимъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) принимать всякаго приносимаго младенца, не спрашивая у принесшаго, кто онъ таковъ и отъ кого онъ принесенъ; дозволялось спрашивать только о крещеніи и объ имени дитяти; 2) можно приносить младенцевъ ко всѣмъ приходскимъ священникамъ, въ богадѣльни, въ женскіе и мужскіе монастыри, во всякое время, т. е. днемъ и ночью, съ тѣмъ, чтобы оттуда немедленно относить ихъ въ воспитательный домъ, гдѣ за всякаго приносимаго младенца производилась плата по два руб. серебромъ; 3) поступившіе въ воспитательный домъ младенцы должны передаваться кормилицамъ, неимѣющимъ собственныхъ дѣтей, по два каждой, за недостаткомъ-же ихъ — нянѣкамъ для искусственнаго кормленія; 4) у кормилицъ и нянекъ дѣти должны оставаться до 2-лѣтняго возраста; 5) съ пяти лѣтъ нужно приучать дѣтей къ занятіямъ, „не столько для зарабатыванія на себя хлѣба, сколько для приученія съ молодыхъ лѣтъ къ трудолюбію“; 6) съ 7 лѣтъ предполагалось учить дѣтей чтенію, письму, ариѳметикѣ, закону Божію и другимъ предметамъ, свойственнымъ полу и возрасту; 7) по достиженіи 14 или 15-лѣтняго возраста мальчиковъ слѣдуетъ учить разнымъ мастерствамъ, соображаясь съ ихъ наклонностями, въ продолженіи 1—5 лѣтъ: дѣвочекъ-же приучать къ поваренной и хлѣбной работѣ и вообще ко всему домашнему хозяйству; 8) питомцамъ, выучившимся мастерству, предоставлялось жениться на питомицахъ, по обоюдному согласію, и эта брачная чета должна была прожить еще года 3 — 4 въ воспитательномъ домѣ и заниматься въ казенныхъ мастерскихъ, работая за плату на себя; 9) ежели оказались-бы между питомцами очень способные, то начальство было обязано отсылать ихъ въ московскій университетъ и академію художествъ (*).

*) Архивъ Судеб. Мед.; 1868 г. № 4, отд. III, стр. 106.

Правила, какъ видите, были прекрасны, Екатерина II и Бецкій надѣялись увидѣть между питомцами артистовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, которые, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ соціальной жизни, избавили-бы со временемъ Россію отъ необходимости содержать у себя иностранцевъ. Предполагалось, что питомцы будутъ распространять всюду просвѣщеніе, а черезъ безчисленные браки передадутъ своему потомству свои добродѣтели и свои знанія *). Но идеи Бецкаго, какъ показали послѣдствія, не осуществились: тѣхъ знающихъ, искусныхъ въ дѣлѣ воспитанія людей, о которыхъ онъ мечталъ, не было и не могло быть подъ рукою, та гуманность въ обращеніи съ дѣтьми, которую проповѣдывалъ Бецкій, была чужда тогдашнимъ нравамъ; то безкорыстіе въ веденіи дѣлъ, при которомъ только и могли существовать подобныя дорого стояющія учрежденія, не входило въ характеръ администраторовъ того времени; наконецъ, самыя знанія того времени не давали возможности развить изъ брошенныхъ дѣтей физически и уметвенно здоровыхъ людей. Въ первые годы оказалось, что смертность въ воспитательномъ домѣ доходила отъ 66 до 98^о/о. Для уменьшенія ея пришлось отдавать дѣтей на воспитаніе въ деревни, въ которыхъ дѣти также гибли или нерѣдко обращались въ деревняхъ къ крѣпостныхъ... Вообще дѣло, какъ это всегда бываетъ, шло плохо, за „неотысканіемъ соотвѣтственныхъ дѣлу людей“. *Содержаніе же воспитательныхъ домовъ обходилось чрезвычайно дорого* и потому нужно было прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ для сбора пожертвованій. Суммы расходовались громадныя, но никто не зналъ, какъ и куда расходуются эти суммы и какіе результаты получаются отъ затратъ. Управление воспитательными домами, какъ это бываетъ почти во всѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, сдѣлалось теплымъ

*) Арх. Суд. Мед.; 1868 г. № 4, отд. III, стр. 5.

мѣстечкомъ для начальствующихъ лицъ, набивавшихъ свои карманы на счетъ брошенныхъ дѣтей.

Въ Петербургѣ воспитательный домъ былъ открытъ въ 1770 году. Для него Екатерина II пожаловала зданіе, которое называлось прежде запаснымъ Смольнымъ дворомъ, гдѣ нынѣ Смольный институтъ. Тутъ на Невѣ сдѣлана была пристань, куда можно было привозить водой тайно-несчастныхъ младенцевъ; никто не могъ досаждать приносящимъ своимъ пустымъ или враждебнымъ любопытствомъ; кто, по болѣзни или по чувству стыдливости, не рѣшался приносить самъ, тотъ могъ отдавать для передачи дѣтей кому-либо другому. „Превратнику воспитательнаго дома строго предписано было обращаться съ тѣми, которые приносятъ дѣтей, какъ можно вѣжливѣе и ласковѣе, спрашивая только лишь объ имени и крещеніи младенца“.

„Вскорѣ Смольный дворъ оказался тѣсень, и воспитательный домъ переведенъ былъ на Милліонную, гдѣ нынѣ Павловскія казармы“. Такой же наплывъ дѣтей, которыхъ Екатерина Великая называла вмѣсто „зазорныхъ“ — „несчастно-рожденными“, — замѣчался и въ другихъ воспитательныхъ домахъ. И это оказывалось вполне естественнымъ, ибо съ возрастаніемъ народонаселенія, съ распространеніемъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ скопляется масса мужчинъ и женщинъ, часто оторванныхъ отъ семействъ на продолжительное время съ возрастающей дороговизной жизни, начало возрастать все болѣе и болѣе число дѣтей, внѣ брака рожденныхъ и покинутыхъ своими родителями то отъ стыда, то отъ бѣдности.

Въ 1764 году опекунскій совѣтъ ходатайствовалъ уже объ устройствѣ пристанищъ при женскихъ монастыряхъ и у частныхъ лицъ во всѣхъ епархіяхъ для воспитанія дѣтей до 5 лѣтъ, послѣ чего они могли поступать въ воспитательные дома. Впрочемъ, постановленіемъ опекунскаго совѣта 1 мая 1766 года и 9 января 1768 года „было запрещено принимать дѣ-

тей въ домъ свыше 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, дабы въ нѣжныя сердца не вселять дурныхъ примѣровъ“.

Подобныя пристанища были тогда открыты на свой счетъ губернаторомъ Сиверсомъ въ Новгородѣ, прокуроромъ Бахметевымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, купцомъ Макаровымъ въ Бѣлозерскѣ и многими другими лицами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. На общественный счетъ учреждено такое пристанище въ г. Осташковѣ, Тверск. губер. Изъ этихъ и подобныхъ мѣстныхъ пристанищъ, согласно „генеральному плану“ Бецкаго, младенцы препровождались въ столичныя воспитательныя дома для воспитанія и обученія. Каковы же были результаты всѣхъ этихъ заботъ, хлопотъ и расходовъ, употребленныхъ для сохраненія и устраниенія жизни безпріютныхъ дѣтей?

Судьба какъ будто хотѣла насмѣяться надъ всѣми усиліями Екатерины Великой и Ивана Бецкаго сдѣлать добро; придуманный ими девизъ для утѣшенія безродныхъ дѣтей, красующійся на фронтонѣ домовъ: „и вы живы будете“, скоро обратился въ самую злую иронию. Смертность дѣтей въ этихъ домахъ въ первое же время предстала въ ужасающемъ видѣ.

Вотъ краснорѣчивыя цифры смертности дѣтей московскаго воспитательнаго дома:

	Принято дѣтей.	Умерло.
Въ 1764 г.	523	424
» 1765 »	793	597
» 1766 »	742	494
» 1767 »	1089	1073 !!!
» 1768 »	1114	687 *)

Такая громадная смертность сильно поразила Императрицу, охладила ея пылъ и ограничила ея мечты на счетъ возможности образовать „третье сословіе“ изъ брошенныхъ и „несчастно

*) Архивъ Суд. Медицины.

рожденныхъ“ дѣтей. Благотворить человѣчеству съ пользой оказалось не такъ легко, даже при самой сильной власти и при самыхъ широкихъ средствахъ. Екатерина II не могла не понять, что бѣдныя дѣти попали „изъ огня да въ полымя“: *и безъ воспитательныхъ домовъ они не погибали такими массами.* Такимъ образомъ черезъ пять лѣтъ идилия Бецкаго разрушилась совершенно. Скопленіе большого числа дѣтей въ палатахъ, съ одной стороны, недостатокъ кормилицъ, съ другой, повлекли за собой такую громадную смертность между дѣтьми, такъ что въ 1768 году опекунскій совѣтъ, въ собраніи своемъ 10 мая, призналъ самую лучшую мѣрою для предупрежденія такой смертности дѣтей раздавать ихъ на воспитаніе по деревнямъ. Вскорѣ смертность въ воспитательныхъ домахъ уменьшилась вдвое и даже втрое, но уменьшившись въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательнаго дома, смертность перенеслась вмѣстѣ съ дѣтьми въ деревни, въ которыхъ, кромѣ того, еще увеличила потерю собственныхъ дѣтей деревенскихъ кормилицъ отъ заносимыхъ болѣзней и отъ уменьшенія питанія. Но тогда объ этомъ не думали, а если и думали, то, конечно, не осмѣливались громко говорить объ этомъ. Задумавъ воспитательный домъ въ огромныхъ размѣрахъ и открывъ въ него свободный доступъ для всѣхъ желающихъ освободиться отъ воспитанія своихъ дѣтей, Бецкій никакъ не воображалъ, что въ него будетъ поступать такая масса дѣтей, для которой не найдется ни достаточнаго простора, ни надлежащаго числа кормилицъ. А онъ имѣлъ въ виду вскармливать дѣтей не иначе, какъ молокомъ кормилицъ, на что ясно указывается въ известномъ „генеральномъ планѣ“, и къ искусственному вскармливанію относился съ недовѣріемъ, ссылаясь на примѣры неудачнаго вскармливанія, бывшіе въ Англіи и Франціи. Первый же суровый опытъ разбилъ эту мечту, и грудныхъ дѣтей начали отправлять по деревнямъ, хотя не отказывались отъ мысли давать имъ дальнѣйшее воспитаніе въ известномъ направленіи, т. е. для обра-

зованія „новаго рода людей“ въ самомъ воспитательномъ домѣ.

Питомцамъ воспитательнаго дома давались привилегіи, которыя состояли въ слѣдующемъ: 1) всѣ питомцы и питомицы, дѣти ихъ и потомки навсегда остаются вольными и ни подъ какимъ видомъ закабалены или сдѣланы крѣпостными быть не могутъ; если питомецъ женится на крѣпостной, то жена его дѣлается свободной; если-же питомица выйдетъ замужъ за крѣпостнаго, то она лично всегда остается вольной; 2) всѣ питомицы и питомцы, дѣти ихъ и потомство имѣютъ право покупать себѣ дома, лавки, устраивать фабрики и заводы, вступать въ купечество, заниматься всякими промыслами и вполнѣ распорядиться своимъ имуществомъ. Все это въ то время были весьма важныя привилегіи, которыя поощряли бросать дѣтей даже такихъ родителей изъ безправнаго рабскаго сословія, у которыхъ была возможность кормить ихъ. Такимъ образомъ приносъ дѣтей съ каждымъ годомъ увеличивался, а средствъ на содержаніе ихъ не хватало, не смотря даже на значительныя пожертвованія. Одинъ Демидовъ жертвовалъ въ то время сотни тысячъ руб. на воспитательные дома. Вотъ приносъ дѣтей въ воспитательный домъ по десятилѣтіямъ: въ первое десятилѣтіе, т. е. съ 1764 по 1774 годъ, принесено дѣтей въ московскій воспитательный домъ 9,457, съ 1774 по 1784 г.— 12.537, съ 1784 по 1794 г.—15,442 *).

Кромѣ различныхъ статей дохода на содержаніе воспитательныхъ домовъ, главнымъ источникомъ было сначала клейменіе игральныхъ картъ, а потомъ клейменіе и продажа ихъ съ собственной фабрики. Но тутъ хищенія совершались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего доходъ отъ картъ въ 1767 году доходилъ до 2,000 р., въ 1770 г. до 17 р.!

*) Вѣстн. Евр., июнь 1890 г., стр. 498.

Но лучше всего былъ финалъ этого періода воспитательныхъ домовъ: тамъ оказались беспорядки и злоупотребленія со стороны служащихъ и слѣдственная коммисія, учрежденная для разсмотрѣнія дѣлъ и происшествій въ домахъ, между прочимъ, открыла, что изъ 40,600 принесенныхъ дѣтей, въ началѣ 1797 года состояло всего-на-всего 4,711 человекъ, остальные-же умерли, или были утаены, или, наконецъ, пропали безъ вѣсти *).

Результатъ отъ спасенія брошенныхъ дѣтей оказался весьма плачевный. Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, благія намѣренія устроителей воспитательныхъ домовъ съ „люльками“ не привели къ желанной цѣли и, вмѣсто избавленія дѣтей отъ гибели, дома эти приносили съ собою лишь смерть, способствуя при этомъ, вслѣдствіе благопріятныхъ условий, увеличенію незаконно-рожденныхъ дѣтей, на содержаніе которыхъ требовались все большія и большія суммы. Однимъ словомъ, у насъ творилось тоже, что и въ западныхъ государствахъ, по примѣру которыхъ Бецкій построилъ свой, какъ показали послѣдствія, вполне утопическій „генеральный планъ“ для созданія на Руси «третьяго чина и новаго рода людей».

Со времени Императрицы Маріи Феодоровны воспитательные дома въ Россіи снова переживаютъ эпоху преобразованій и опытовъ. «Тринадцатилѣтній опытъ показалъ,—писала она графу Сиверсу, что какъ-бы ни было благотворно такое намѣреніе,— т. е. образовать среднее сословіе изъ брошенныхъ дѣтей,—но оно не исполнимо. Какъ можно воспитывать отъ 5 до 6 тыс. дѣтей ежегодно въ этихъ домахъ и притомъ еще въ столицахъ? Гдѣ отыскать необходимое число кормилицъ? Гдѣ найти хорошихъ учителей, способныхъ дать имъ образованіе выше того, которое получаютъ дѣти въ семействахъ? Мы видимъ, что

*) Арх. Судеб. Медц.

даже питомцы, вышедшіе изъ заведеній съ достаточнымъ запасомъ знаній, скоро сами убѣдились въ своей неспособности начать самостоятельную жизнь, за исключеніемъ очень не многихъ. Преслѣдуемые бѣдностью, не находя иныхъ источниковъ къ жизни, кромѣ поступленія въ услуженіе, они скоро дѣлались менѣе всѣхъ гражданъ имперіи полезными своему отечеству. Были и такіе, которые, предавшись разнымъ порокамъ, дошли до послѣдней степени нравственнаго паденія. Кромѣ того, настоящій воспитательный домъ, по «генеральному плану», образуетъ какъ-бы государство въ государствѣ и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать общему благу, онъ только отягощаетъ государство». Такъ смотрѣла на это дѣло Императрица.

Вслѣдствіе этого рѣшено было оставлять въ каждомъ воспитательномъ домѣ только до 500 дѣтей, остальныхъ же отсылать въ деревни, дѣлая мальчиковъ государственными крестьянами, а дѣвочекъ оставлять свободными. «Посредствомъ этой мѣры, сказала Марія Феодоровна, я соединю воспитательные дома съ государствомъ, отъ котораго они отдѣлены до сего времени и заставлю это учрежденіе содѣйствовать общему благу».

Денежныхъ средствъ затрачивалось не мало: такъ въ 1833 году было употреблено на содержаніе и образованіе питомцевъ въ обоихъ домахъ 2.240,692 р., на воспитаніе въ деревняхъ — 1.749,539 р., на содержаніе гатчинскаго учебнаго заведенія — 437,451 р.

Особенно дорого обошлась саратовская колонія, куда помѣстили 500 семействъ питомцевъ воспитательнаго дома. Для колоніи купили 23,000 десятинъ необработанной плодородной земли, чтобы построить пять деревень на сто дворовъ каждую. Каждый дворъ давался мужу и женѣ съ придачею дѣвочки и мальчика отъ 10 до 12 лѣтняго возраста. Молодые супруги были снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства.

Но постройка этой колоніи обошлась воспитательному дому довольно дорого: на покупку земли издержано 515,903 р. на

постройку—957,371 р., на первое обзаведеніе и перевозку новыхъ колонистовъ — 333,259 р., на устройство образцовой фермы, школь, фруктовыхъ садовъ — 175,336 руб.; однимъ словомъ населеніе 500 семействъ обошлось въ 1.981,909 р., не включая въ эту сумму издержекъ на содержаніе ихъ втеченіе перваго года, на управленіе и непредвиденные расходы *). Нѣкоторые-же источники говорятъ даже, что колонія обошлась въ три милліона руб. Количество-же находившихся въ деревняхъ дѣтей въ 1810 году было 8,177 человекъ, а въ 1836 году—31,425 душъ. Образованіе и воспитаніе дѣти могли получить только въ самомъ домѣ, въ деревняхъ же они подвергались всякой порчѣ и владели самую жалкую жизнь. Между тѣмъ, въ 1833 году въ деревняхъ подъ Петербургомъ было 11,519 питомцевъ изъ 16,382 питомцевъ петербургскаго воспитательнаго дома.

«Но каждое улучшеніе и каждый новый опытъ въ этомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ г. Михайловъ («Наши Дѣти») — какъ-бы ни были малы результаты этихъ попытокъ требовали крайне большихъ затратъ и вызывали не особенно желательныя послѣдствія, а именно—увеличеніе числа подкидышей: этихъ несчастныхъ въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ было въ 1793 году принято 1,731 человекъ, а въ 1836 г. число ихъ дошло до 13 тыс., и, къ сожалѣнію, это увеличеніе нельзя приписать обѣденію страны, ухудшенію положенія народа и тому подобнымъ причинамъ,—нѣтъ, есть основаніе предполагать, что въ то время стали отдавать дѣтей въ воспитательный домъ и состоятельные родители, такъ какъ у приносимыхъ дѣтей находили часто значительныя суммы. Такъ, въ московскомъ воспитательномъ домѣ при дѣтяхъ найдено съ 1800 года по 1834 годъ до 420.715 руб., а въ петербургскомъ въ тотъ-же періодъ—до 54,000 р...»

При Маріи Феодоровнѣ наши воспитательные дома вступили

*) Арх. Судебн. Медич.

на тотъ путь, на которомъ стоятъ до сихъ поръ, подобно всѣмъ воспитательнымъ домамъ западной Европы и уже не дѣлали такихъ страшно дорого обходившихся опытовъ, какъ, напримѣръ, устройство колоніи, стоившей милліоновъ. Въ воспитательные дома принимаются подкидыши, причемъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ выдавали матерямъ контромарки, по которымъ можно было взять дѣтей обратно во всякое время, а въ петербургскомъ — можно было взять ребенка обратно только въ теченіи шести недѣль *).

Именнымъ указомъ 25 іюля 1837 года питомцевъ вообще предназначено было обращать въ сельское сословіе. Съ приведеніемъ въ исполненіе этого указа—учебные классы воспитательнаго дома въ Москвѣ для питомцевъ и питомокъ были уничтожены.

И такъ, дѣтей стали раздавать по деревнямъ. Взглянемъ теперь, какъ относятся у насъ кормилицы къ дѣтямъ, которыхъ онѣ берутъ изъ воспитательныхъ домовъ на вскормленіе. Въ докладѣ санитарной комисіи, напечатанномъ въ 1867 году въ газетѣ «Москва», говорится по этому поводу вотъ что: «Бросивъ собственныхъ дѣтей и привлеченныя корыстью, онѣ являюся въ воспитательный домъ, откуда, по прошествіи мѣсяца и болѣе, возвращаются съ пріемышами на подводахъ въ свои селенія; но нѣкоторыя изъ нихъ уже за заставой Москвы перепродаютъ питомцевъ другимъ женщинамъ, а сами отправляются опять за другими дѣтьми; иныя-же, вывезенныя за заставу и брошенныя извозчиками, принуждены возвращаться въ свои селенія пѣшкомъ, съ грудными младенцами на рукахъ, иногда въ ненастное или зимнее время. По прибытіи въ деревню, крестьянки снова перепродаютъ пріемышей въ третьи и даже четвертыя руки; такимъ образомъ, питомцы воспитательнаго дома въ подмосковскихъ деревняхъ составляютъ особый родъ возмутительнаго промысла, напоминающаго собою языческія времена или

*) Матер. для Истор. М. В. Дома.

первобытное состояніе народовъ. Во всякомъ случаѣ, остается-ли пріемышъ въ первыхъ рукахъ или попадаетъ въ третьи или четвертыя руки, его ожидаетъ, большею частью, одинъ конецъ — смерть, если она не случилась на пути слѣдованія изъ Москвы до селенія» *), Ожидать иныхъ отношеній отъ бѣдныхъ женщинъ къ пріемышамъ, дѣлающимся предметомъ наживы, — нельзя. Эти отношенія вездѣ и всегда одинаковы.

Императрица Марія Феодоровна, желая поставить дѣло на болѣе рациональныхъ началахъ, чѣмъ то было до нея, а главнымъ образомъ, имѣя въ виду уменьшить процентъ смертности, что преимущественно зависѣло отъ кормилицъ, приказала спрашивать лицъ, приносящихъ дѣтей, не пожелаютъ-ли матери оставить ихъ у себя для воспитанія до восьмилѣтняго возраста, получая для этого пособіе отъ воспитательнаго дома. Во Франціи число вспомоствуемыхъ такимъ способомъ составляетъ отъ 80 до 90% всѣхъ дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи. Что-же вышло? Многія матери обрадовались возможности воспитывать дѣтей у себя дома на казенный счетъ и, нисколько не нуждаясь въ посторонней помощи для ихъ воспитанія, понесли дѣтей въ воспитательный домъ, отъ котораго были назначены слѣдующія пособія: въ Петербургѣ въ первый годъ 6 р. 50 к. ежемѣсячно, въ слѣдующіе годы — по 3 р. 25 коп. ежемѣсячно. Въ Москвѣ первый годъ выдавалось по 5 р., а въ слѣдующіе годы по 2 р. 50 к. По истеченіи семи лѣтъ, матери начали обращаться съ просьбами продлить срокъ пособій и оставленія дѣтей на ихъ рукахъ.

3 іюня 1828 года было воспрещено дальнѣйшее устройство воспитательныхъ домовъ во всей Россіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дома эти уже существовали, свободный пріемъ младенцевъ прекращенъ, а допущенъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ поднятія полиціей младенца, не имѣю-

*) Арх. Судеб. Мед. 1878 г. № 1. отд. III.

шаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитывать его. Съ шестидесятыхъ годовъ продолжается и усиливается рядъ мѣръ для затрудненія пріема дѣтей въ воспитательные дома, что объясняется, конечно, множествомъ причинъ и, главнымъ образомъ, — недостаточностью средствъ на содержаніе приносимыхъ дѣтей. Теперь посмотримъ, какъ выразился приносъ дѣтей въ воспитательные дома по десятилѣтіямъ:

Съ 1764 по 1774	принесено	9,457	дѣтей.
» 1774 » 1784	»	12,537	»
» 1784 » 1794	»	13,442	»
» 1794 » 1804	»	21,073	»
» 1804 » 1814	»	30,617	»
» 1814 » 1824	»	39,179	»
» 1824 » 1834	»	56,877	»
» 1834 » 1844	»	71,709	»
» 1844 » 1854	»	90,184	»
» 1854 » 1864	»	123,912	»

Со времени открытія московскаго воспитательнаго дома до 1 января 1863 года въ немъ умерло 116,505 младенцевъ.

Въ послѣдующіе годы смертность дѣтей въ московскомъ воспитательномъ домѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Года:	Принесено:	Умерло:
1869	11,140	2970
1870	10,661	2856
1871	10,756	2426
1872	11,234	2754
1873	11,324	3083
1874	11,818	2395
1875	12,387	3478
1876	12,526	3470

Процентъ смертности въ разные годы то повышался, то понижался, хотя 25% считается умѣреннымъ. Лѣтомъ 1888 года

она дошла даже до 60⁰/о. Но главный источникъ смертности не въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательныхъ домовъ, а въ деревняхъ, на рукахъ грудныхъ, грязныхъ, бѣдныхъ и невѣжественныхъ кормилицъ *) статистика московскаго воспитательнаго дома показываетъ, что до 20-лѣтняго возраста, когда питомцы приписываются уже къ сословію, изъ 100 дѣтей доживаютъ только 12! Въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ и въ округахъ наибольшій процентъ доживающихъ до году младенцевъ бываетъ 39⁰/о, т. е. около $\frac{1}{3}$ приноса, а болѣе $\frac{2}{3}$ умираетъ. До 21 года доживаетъ отъ 11 до 13⁰/о. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1863 году комисіею подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Карреля, оказалось, что между питомцами петербургскаго воспитательнаго дома умираетъ, не достигнувъ годоваго возраста, до 75⁰/о. Въ московскомъ-же воспитательномъ домѣ въ такомъ возрастѣ погибаетъ до 88⁰/о.

24 іюня 1871 года для петербургскаго воспитательнаго дома составлены новыя правила пріема дѣтей. Въ этомъ домѣ незаконнорожденные младенцы принимались безпрепятственно въ возрастѣ не старше одного года, причемъ младенцы, отданные въ домъ съ метрическими выписками, могли быть возвращаемы ихъ матерямъ или родственникамъ въ теченіи трехъ лѣтъ отъ рожденія, при извѣстныхъ ручательствахъ. Дѣти-же, отданные въ домъ безъ метрическихъ выписокъ, возвращались матерямъ или родственникамъ лишь въ теченіе первыхъ шести недѣль послѣ отдачи. Наконецъ, правилами 24 апрѣля 1882 года установлено требованіе метрическихъ выписокъ, но лишь для дѣтей, которыя, согласно правилу, поступаютъ на 6-ти недѣльное материнское вскармливаніе въ самомъ домѣ или на дому у матери и могутъ быть возвращены матерямъ въ теченіе 3 лѣтъ отъ рожденія. Примѣненіе этихъ правилъ по отношенію къ петербургскому воспитательному дому не увеличило приноса дѣтей,

*) Отчеты Москов. Воспит. Дома.

уменьшило смертность ихъ въ домѣ и въ округахъ, уменьшило расходы и увеличило возрастъ дѣтей. Главною причиною такого хорошаго результата признано кормленіе ребенка своею матерью.

Но не смотря на все эти «улучшенія» «П. В. Д.» продолжалъ и до настоящаго времени называться «могилой», въ которой заживо хоронятъ дѣтей, т. е. отдають туда на смерть... Какъ бы ни улучшали питаніе младенцевъ и сколько бы ни содержали мамокъ въ „В. Д.“ но уже одна скученность и тѣснота способны умерщвлять дѣтей. Въ деревняхъ-же дѣти гибнутъ вслѣдствіе плохого питанія и также вслѣдствіе антигигиенической обстановки. Деревни и села подъ Петербургомъ и Москвой очень выгодно промышляютъ питомцами „В. Д.“ и сами директора этихъ учрежденій рассказываютъ ужаснѣйшія исторіи объ этомъ промыслѣ, но улучшить положеніе дѣла оказывается невозможнымъ, по крайней мѣрѣ при существующихъ условіяхъ. Воспитательные дома пользы не приносятъ...

IV.

Такимъ образомъ изъ предыдущаго мы видимъ, что дѣло попеченія о покинутыхъ дѣтяхъ не изъ легкихъ и что при всемъ желаніи челоѣколюбивыхъ благотворителей и гуманныхъ, просвѣщенныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, искренно стремящихся упорядочить это дѣло, оно до сихъ поръ никакъ не поддается правильной, удовлетворительной постановкѣ и, какъ самая трудная соціальная задача, требуетъ отъ людей серьезныхъ заботъ и серьезныхъ усилій, а не „чувствительности“.

Ниже мы увидимъ изъ еще болѣе краснорѣчивыхъ данныхъ страшной, суровой дѣйствительности, что до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать не нормальныя условія общежитія, пока люди будутъ оставаться такими, какими они являются всюду въ настоящее время—никакія „люльки“, никакія „ясли“, никакія воспитательные дома съ „турами“ зла не искоренятъ и

общество всегда вынуждено будетъ „рубить зло съ хвоста“, отдѣлываясь простыми палліативами... А смертность дѣтей—это такое неизбѣжное зло, предъ которымъ комитеты радѣтелей народнаго блага являются слабыми и немощными, какъ пигмей предъ исполиномъ... Конечно, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что люди должны опустить руки и ничего не дѣлать для искорененія существующаго зла; общество должно, обязано бороться разумно, осмотрительно, не увлекаясь, безъ сантиментальности, ибо самая жизнь, сама природа не сантиментальна и увлеченій не терпитъ. Человѣку данъ разумъ и чувство для того, чтобы онъ совершенствовался, подвигался впередъ, а не падалъ все ниже и ниже, какъ это мы замѣчаемъ въ послѣднее время, на рубежѣ 20 вѣка, не смотря на всѣ кажущіеся успѣхи цивилизаціи настоящаго столѣтія...

Развратъ, страшный развратъ всюду пустилъ въ жизнь глубокіе корни и человѣчество стонетъ подъ бременемъ собственной немощи и роковаго „переживанія“...

Семейныя начала разрушаются, каждая особа безсознательно стремится къ легкому существованію, а при такомъ всеобщемъ стремленіи къ наслажденію жизнью „плоды любви“ неизбѣжно являются тяжкими оковами, отъ которыхъ каждый старается избавиться... Такимъ образомъ, оказывается, что „не всегда несчастныя дѣти выбрасываются изъ наиболѣе бѣдныхъ семействъ“ какъ можно было-бы предположить. Часто такимъ способомъ снимаютъ съ себя бремя родительскихъ заботъ люди, не впавшіе въ крайность, а просто—легкомысленные и распутные, ведущіе беспорядочную и беззаботную жизнь той безнравственной городской части населенія, которая составляетъ значительную часть нашей уличной, трактирной кафе-шантанной „публики“. Вотъ чьи грѣхи, по большей части, приходится искупать обществу—трудящемуся, честному населенію! А въ большихъ городахъ уличная и трактирная жизнь съ каждымъ годомъ даетъ себя чувствовать все болѣе и болѣе. Антисемейный характеръ мѣст-

наго населенія, конечно, объясняется многими причинами, но отъ этого объясненія не легче. Въ Одессѣ одинъ бракъ приходится на 100 жителей, между тѣмъ, даже въ Парижѣ, не смотря на его дурную славу современнаго Вавилона, 1 бракъ—на 109 жителей. Одна только Москва перешеголяла въ этомъ отношеніи многіе города Россіи и другихъ государствъ: въ ней 1 бракъ приходится на 155 жителей. По свѣдѣніямъ „Военно-статистическаго сборника“ (1871 г.), въ ней незаконнорожденныхъ дѣтей приходится 41,9 на сто законныхъ, т. е. чуть не половина общей цифры рожденій... „Даже Парижъ, говоритъ г. Михневичъ, съ такимъ апломбомъ противопоставленный замоскворецкими патріотами добродѣтельной матушкѣ бѣлокаменной, даже „развратный“ „гнилой“ Парижъ значительно отсталъ отъ матушки нашей въ этомъ пунктѣ: въ немъ незаконныхъ дѣтей 33 на сто законныхъ!“ Само собою разумѣется, что громадное большинство этихъ „засорныхъ“, какъ называлъ Петръ Великій, или „несчастнорожденныхъ“, какъ ихъ именovala Екатерина I, дѣтей попадаетъ въ воспитательные дома для того, чтобы тамъ... погибнуть...

Ясно, стало быть, что такъ или иначе, а у незаконнорожденныхъ дѣтей слишкомъ мало шансовъ на то, чтобы остаться жить, и жить опять таки для того, чтобы всю жизнь мучиться и страдать... Далѣе мы приведемъ нѣсколько фактовъ, указывающихъ на то, что для многихъ „несчастнорожденныхъ“ дѣтей несравненно лучше было-бы умереть тотъ часъ при появленіи на свѣтъ Божій. Теперь-же приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя, которыя обнаруживаютъ, къ чему, въ дѣйствительности, служатъ воспитательные дома въ томъ видѣ, какъ они велись у насъ до сихъ поръ. Въ двухъ воспитательныхъ домахъ Петербурга и Москвы за 125 лѣтъ ихъ существованія принято 1.293,917 душъ дѣтей, изъ которыхъ умерли: на первомъ году 996,303, а затѣмъ еще 142,346, не достигнувъ совершеннолѣтія, всего-же—1.138,699; такимъ образомъ изъ всего числа принятыхъ остались въ живыхъ до совершеннолѣтія только

155,268, т. е. одинъ изъ 8-ми!... Цифры, относящіяся специально къ петербургскому воспитательному дому, таковы: изъ принятыхъ въ теченіи десятилѣтія 59,823 дѣтей погибли до совершеннолѣтія почти 50 тысячъ. Этотъ отдѣльный результатъ, все-таки, нѣсколько болѣе благопріятный, чѣмъ общій, указываетъ, что въ Петербургѣ выживаетъ 1 изъ 6 питомцевъ, отсюда слѣдуетъ предположить, что смертность среди питомцевъ московскаго воспитательнаго дома значительно больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Да и наплывъ дѣтей въ московскій домъ больше, чѣмъ въ петербургскій: въ первый поступаетъ въ годъ до 17 тыс., въ послѣдній только до 10 тыс. *). Цифры эти гораздо значительнѣе, чѣмъ тѣ, какія были въ давнее время, что объясняется привозомъ младенцевъ изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній, благодаря „удобствамъ“ желѣзнодорожнаго сообщенія. Наплывъ дѣтей въ воспитательные дома громадный. Спрашивается, стоитъ-ли возражать противъ предполагаемаго стѣсненія приѣма посредствомъ указанія, что въ такомъ случаѣ неизбежно воздвигнуть частныя „фабрики ангеловъ“, подобно той, какую держала Скублинская въ Варшавѣ? Въ дѣйствительности развѣ при смертности дѣтей, принимаемыхъ воспитательными домами, доходящей до 87,6% и до 90% всего числа, ранѣе достиженія 5-ти лѣтняго возраста, не слѣдуетъ назвать самые воспитательные дома „фабриками ангеловъ?“ Такое явленіе въ воспитательныхъ домахъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что новорожденные попадая въ заведеніе, не получаютъ тотчасъ соотвѣтственнаго ихъ организму питанія; ихъ кормятъ застарѣвшимъ молокомъ кормилицъ, а то и вовсе не имѣютъ возможности дать имъ молока груди кормилицы, и по прошествіи шести недѣль отдаютъ въ деревни — на „воспитаніе“ тѣмъ-же Скублинскимъ, которыя занимаются дѣтскимъ промысломъ на легальной почвѣ и губятъ дѣтей открыто, при соблюденіи всѣхъ

*) „Русская Мысль“ стр. 198.

формальностей... Положимъ, общая статистика показываетъ, что въ крестьянскомъ быту въ Россіи смертность дѣтей до достиженіи 5-ти лѣтъ весьма велика: умираетъ ихъ гораздо болѣе половины. Но, все-таки, не 87¹/₂⁰/. Слѣдовательно, при самой тяжелой обстановкѣ въ бѣдной семьѣ дѣти имѣютъ больше шансовъ на то, чтобы остаться жить, чѣмъ въ воспитательномъ домѣ, хотя тамъ (какъ, напримѣръ, въ столичныхъ воспитательныхъ домахъ) содержаніе ребенка обходится по 700 руб. въ годъ... При этомъ не можемъ не указать на слѣдующій весьма любопытный фактъ: оказывается, что одинъ питомецъ петербургскаго или московскаго воспитательнаго дома, достигшій 21 года, обходится казнѣ *въ полтора раза дороже воспитанника пажескаго корпуса, достигшаго такого-же возраста.*

Конечно, такая „дороговизна“ содержанія питомца воспитательнаго дома объясняется и тѣмъ, что служащіе въ означенныхъ домахъ получаютъ „приличные оклады“ и живутъ въ казенныхъ зданіяхъ припѣваючи...

Что-же касается смертности дѣтей въ провинціальныхъ воспитательныхъ домахъ, то и здѣсь она почти такая-же. Такъ, напр., изъ отчета о дѣятельности херсонскаго земства по прирѣбнѣю „покинутыхъ дѣтей“, составленнаго женщиной-врачемъ М. П. Рашковичъ, видно, что изъ поступившихъ на попеченіе земства на 100 душъ умерло:

Въ 1874 г.	87,2 ⁰ /о	1882 г.	86,5 ⁰ /о.
» 1875 »	74,5	1883 »	74,7
» 1876 »	68,2	1884 »	70,6
» 1877 »	76,4	1885 »	74,1
» 1878 »	81,	1886 »	64,9
» 1879 »	85,6	1887 »	61.
» 1880 »	74,4	1888 »	61.
» 1881 »	73,9	1889 »	52 ⁰ /о (*).

*) Отчетъ о дѣят. херсон. земства, изданіе херсон. губ. земск. управы. Херсонъ. 1890 г.

Пониженіе процента смертности дѣтей за послѣдніе три года объясняется тѣмъ, что земство стало контролировать кормилицъ, берущихъ на воспитаніе питомцевъ изъ воспитательнаго дома, но все-таки контроль этотъ заставляетъ желать много лучшаго. Изъ общаго числа умершихъ до одного года (среди питомцевъ Херсонскаго земства) приходится 86,13^о/о, а среди питомцевъ одесскаго Павловскаго пріюта въ томъ-же возрастѣ—49,8^о/о.

Изъ всего-же числа подкидышей, бывшихъ въ вѣдѣніи земства, имѣлось въ возрастѣ:

Отъ 0—1 г.	3150	изъ нихъ	умерло	1920
» 1—2 л.	961	»	»	234
» 2—3 »	553	»	»	49
» 3—4 »	328	»	»	14
» 4—5 »	176	»	»	7
Свыше 5 лѣтъ	13	»	»	2*)

Такимъ образомъ, вышеприведенныя данныя, при всемъ своемъ относительномъ значеніи, достаточно указываютъ на то, что смертность призрѣваемыхъ херсонскимъ земствомъ въ первые годы ихъ жизни значительно выше таковой-же среди мѣстнаго населенія: изъ данныхъ, собранныхъ д-ромъ Уваровымъ *) видно, что на 1000 родившихся умираетъ въ теченіи одного года въ Херсонскомъ уѣздѣ 171, въ Одесскомъ уѣздѣ 186 и Херсонской губерніи 174. Не безъинтересно при этомъ взглянуть на слѣдующую таблицу смертности въ разныхъ мѣстахъ Россіи: на сто родившихся или поступившихъ на попеченіе дѣтей умираетъ:

*) «Отчетъ херсон. земства».

**) «Статистика движенія населенія».

	м. Отъ 0—1	м. 1—3	м. 3—6	г. 6—1
Подкидыши:				
Херсон. земства	225,0	176,3	121,5	85,0
Гор. Херсона	76,7	59,4	61,1	77,9
Гор. Одесса	77,4	49,2	53,8	74,2
Петерб. восп. дома	64,7	292,1	269,1	112,0
Россіи	64,7	58,2	60,3	74,5
Тамбовск. уѣзда	59,9	60,2	76,0	85,4
Череповецк. уѣзда	92,7	83,6	67,0	78,6

И такихъ цифровыхъ данныхъ, указывающихъ на громадную смертность дѣтей въ воспитательныхъ домахъ и въ семьяхъ можно было-бы привести безконечное множество, но думаемъ, что и этого достаточно: выше приведенныя цифры вполне подтверждаютъ непреложность біологическаго закона, что дѣтскій организмъ съ величайшимъ трудомъ приспособляется къ внѣшнимъ условіямъ бытія и что для того, чтобы ребенокъ остался жить, кромѣ наследственной жизнеспособности, ему необходимо питаніе изъ груди родившей его матери.. Между тѣмъ, почти каждый подкидышъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, питается застарѣвшимъ и часто негоднымъ молокомъ кормилицы или просто попадаетъ на „кашку“ или даже „соску“ изъ ржаного хлѣба, — чѣмъ особенно склонны кормить деревенскія мамки...

„Несоотвѣтствіе между возрастомъ подкидышей и составомъ молока кормилицъ, нераціональное кормленіе ихъ въ связи съ непониманіемъ потребностей дѣтскаго организма, вотъ въ чемъ, говоритъ въ своемъ прекрасно составленномъ отчетѣ г-жа Рашковичъ, — состоитъ главное зло, губящее десятки и сотни прирѣжаемыхъ дѣтей зло, противъ котораго полжны быть направлены усилія общественныхъ учрежденій, взявшихъ на себя попеченіе о покинутыхъ дѣтяхъ“.

„Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, продолжаетъ женщина-врачъ, противъ заболѣваемости и смертности дѣтей въ первые мѣсяцы своей жизни, является обезпеченіе ихъ на это время материнскимъ молокомъ“.

Но гдѣ достать на всю эту массу несчастныхъ дѣтей, поступающихъ въ воспитательные дома, достаточное число кормилицъ? Въдѣ въ то время, когда въ воспитательный домъ въ Москвѣ поступаетъ до 17 тыс. подкидышей, бываетъ и больше. въ томъ-же городѣ нѣсколько тысячъ матерей изъ числа „привилегированныхъ“ также нуждаются въ кормилицахъ для собственныхъ дѣтей и онѣ, навѣрное, успѣшно конкурируютъ съ воспитательнымъ домомъ. То-же можно сказать и относительно Петербурга и другихъ городовъ Россіи. Да это-же вполне относится и къ западнымъ городамъ, въ которыхъ также всегда ощущается недостатокъ въ кормилицахъ для покинутыхъ дѣтей. Такимъ образомъ, сколько-бы ни употребляли усилій на сохраненіе жизни этихъ искупителей грѣховъ родителей, они будутъ умирать при существованіи „люлекъ“ и „яслей“ и, пожалуй, даже въ значительно большемъ количествѣ, нежели при отсутствіи „люльки“, — что вполне подтверждается опять таки той-же нелицеприятной статистикой.. Изъ всего выше изложеннаго читатель видитъ, что тамъ, гдѣ существовала „люлька“, число подкидышей естественно прогрессивно увеличивалось, но такъ какъ кормилицъ воспитательный домъ въ достаточномъ количествѣ имѣть не могъ, то дѣтей неизбѣжно приходилось отдавать частнымъ кормилицамъ и главнымъ образомъ, по деревнямъ. И вотъ, лишеныя молока и должнаго ухода дѣти гибли на первомъ-же году ихъ существованія. И чѣмъ больше ихъ поступало въ воспитательный домъ, тѣмъ больше „ангеловъ“ отправлялось на „тотъ свѣтъ“... Возьмемъ, напр., такой случай: Одесскій Павловскій пріютъ открытъ 1 ноября 1868 года. Въ теченіи 16 лѣтъ въ пріютъ принято 3626 младенцевъ, изъ коихъ умерло—2400 душъ (остальныя.

какъ видно изъ крайне запутанныхъ отчетовъ Павловскаго приюта, были отданы на воспитаніе, усыновлены, возвращены родителямъ и проч. Нужно думать, что изъ показанныхъ въ отчетахъ „живыми“ 1226 душъ, половина также умерла). Такимъ образомъ, есть основаніе предположить, что изъ числа 3626 душъ питомцевъ осталось дѣйствительно живыми 613. Допустимъ теперь, что въ теченіи этихъ 16 лѣтъ въ Одессѣ существовала-бы „люлька“ и дѣти клались въ нее безъ всякаго стѣсненія во всякое время дня и ночи. Спрашивается, сколько было-бы за этотъ періодъ времени подкидышей въ Павловскомъ приютѣ? Смѣло можно утверждать, что ихъ поступило-бы вдвое или даже втрое больше. Ясно, стало быть, что во столько разъ увеличилась-бы и смертность родившихся дѣтей. А если мы примемъ въ расчетъ, что смертность дѣтей среди населенія вообще почти на половину меньше смертности въ воспитательныхъ домахъ и среди питомцевъ этихъ домовъ, отданныхъ на вскормленіе въ деревни, то предположеніе наше окажется вполне основательнымъ. Повторяемъ, при существованіи „люльки“ смертность не уменьшится, а напротивъ значительно увеличится... Не „люлька“ можетъ быть избавительницею „несчастнорожденныхъ“ дѣтей отъ смерти, а нѣчто болѣе рациональное, болѣе цѣлесообразное. Да притомъ, неужели-же можно утверждать, что при отсутствіи „люльки“ у матерей больше соблазна къ дѣтоубійству? Вѣдь прибѣгаютъ къ этому способу лишь въ исключительныхъ случаяхъ и то только такія изъ матерей, для которыхъ рѣшительно нѣтъ никакого исхода. Дѣйствительно-же бѣдная несчастная мать не постѣсняется явиться въ воспитательный домъ сама и, оставивъ ребенка на воспитаніе, остается тамъ кормилицей своего и чужаго младенца. Такія случаи весьма часты. А это-то и желательно въ интересахъ сохраненія жизни новорожденныхъ.

И такъ, „люлька“—не дѣйствительная мѣра въ борьбѣ со смертностью „несчастнорожденныхъ“ дѣтей, а лишь простой

палліативъ и палліативъ, могущій дать только отрицательные результаты... Для огражденія брошенныхъ дѣтей отъ гибели нужны болѣе радикальныя средства, а не просто воспитательные дома съ „люльками“.

Но прежде чѣмъ перейти къ тому, какія мѣры болѣе желательны въ отношеніи покинутыхъ и „несчастнорожденныхъ“ дѣтей, укажемъ еще на нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, каково положеніе питомцевъ воспитательныхъ домовъ въ деревняхъ, куда ихъ отдаютъ въ такомъ громадномъ количествѣ. Одинъ авторъ, занимавшійся изслѣдованіемъ по этому вопросу, рассказываетъ, что одна женщина, промышлявшая во Франціи „воспитаніемъ“ брошенныхъ дѣтей изъ воспитательнаго дома, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ заморила до 200 душъ... У нея была „фабрика ангеловъ“ ничуть не хуже Скублинской. Въ подмосковскихъ деревняхъ, въ которыхъ занимаются крестьянки „дѣтскимъ промысломъ“, наблюдаются почти такія-же явленія. Тоже существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ имѣются воспитательные дома и откуда отдаютъ дѣтей на „воспитаніе“... Въ центральныхъ воспитательныхъ домахъ держать дѣтей только до 6-недѣльнаго возраста кормилицъ, а затѣмъ отсылаютъ въ окрестныя деревни. Каковъ этотъ „питомническій“ промыселъ, можно видѣть изъ прошлогодняго приказа петербургскаго градоначальника. Въ этомъ приказѣ сообщалось, что женщины, прибывающіе въ Петербургъ для полученія питомцевъ, которыхъ онѣ затѣмъ размѣщаютъ по деревнямъ, спекулируя на платѣ отъ воспитательнаго дома, везутъ этихъ младенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ, *уложенными въ корзины по нѣскольку въ одной, и корзины ставятъ въ вагоны подъ скамейки.* Предписывалось, вслѣдствіе этого, полицейскимъ чинамъ наблюдать, дабы подобныя беспорядки не были допускаемы. Если подобное творилось на глазахъ администраціи и просвѣщенной публики въ вагонахъ, то можно себѣ представить, что испытывали питомцы „на мѣ-

ствѣ жительствова“... Изъ отчета по призрѣнію покинутыхъ дѣтей херсонскаго земскаго врача-женщины М. П. Рашковичъ, производившей ревизію о положеніи дѣтей воспитательнаго дома въ деревняхъ, видно, что и въ Херсонскомъ уѣздѣ эти дѣти находятся въ отчаянномъ положеніи. Въ наилучшемъ, если не худшемъ положеніи, оказываются и питомцы нашего Павловскаго приюта, попавшіе въ деревни, — въ особенности въ селѣ Гниляково, въ чемъ авторъ настоящей статьи имѣлъ случай убѣдиться лично въ прошломъ году. Фактовъ объ ужасномъ положеніи подкидышей въ деревняхъ можно-бы привести неисчислимое множество, но думаемъ, что достаточно и вышеизложенныхъ.

И такъ, что-же дѣлать для того, чтобы во-1-хъ, уменьшить смертность покинутыхъ дѣтей, во-2-хъ, не допустить многихъ несчастныхъ матерей до дѣтоубійства, въ-3-хъ, не обременять жителей извѣстнаго города напрасными налогами на содержаніе воспитательныхъ домовъ и, въ-4-хъ, получить пользу отъ оставшихся въ живыхъ подкидышей, достигшихъ совершеннолѣтія? Вотъ тѣ главные вопросы, надъ которыми задумывается каждый, кто дорожитъ общественными интересами и кто не лишенъ гуманнаго чувства. Съ одной стороны, жаль гибнущихъ „несчастнорожденныхъ“ дѣтей и не менѣе несчастныхъ матерей, — съ другой-же, нежелательны производительные расходы, а также существованіе больныхъ, стремящихся къ вырожденію дѣтей.

На первый вопросъ отвѣтимъ, что единственное средство въ борьбѣ со смертностью новорожденныхъ — это прежде всего хорошее питаніе молокомъ матери и вполнѣ правильный уходъ за младенцемъ. А для этого необходимо стремиться къ тому, чтобы рождающіяся дѣти оставались при матеряхъ. Подобный способъ въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, въ широкихъ размѣрахъ практикуется во Франціи и даетъ прекрасные результаты. Тамъ бѣдная мать, родившая ребенка, получаетъ

известное пособие въ теченіе опредѣленнаго времени и на это требуется значительно меньше средствъ, чѣмъ на содержаніе воспитательныхъ домовъ. Это-же практикуется отчасти и въ Россіи, но, къ сожалѣнію, не въ достаточной мѣрѣ. На второй, и самый трудный вопросъ, остается сказать, что намъ необходимо всѣми мѣрами стремиться къ измѣненію взгляда на женщину, впавшую въ грѣхъ, на которую общество смотритъ съ такимъ страшнымъ призрѣніемъ. Затѣмъ необходимо примѣненіе болѣе строгихъ законовъ въ отношеніи мужчинъ, являющихся виновными въ паденіи женщины. Относительно-же третьяго пункта, т. е. уменьшенія расходовъ на содержаніе центральныхъ воспитательныхъ домовъ, которые падаютъ очень часто на трудящееся, честное населеніе — остается самое рациональное средство — децентрализація попеченія о подкидышахъ, чтобы данный районъ принадлежалъ ближайшему небольшому воспитательному дому. Такимъ образомъ, повинность будетъ распредѣляться болѣе равномерно, это — во-первыхъ, а во-вторыхъ — при такомъ порядкѣ легче подыскать кормилицу. Слѣдуетъ привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ мужскіе и женскіе монастыри, которые могутъ принимать подкидышей подъ свое покровительство, а также открывать пріемные покои для несчастнорожденныхъ дѣтей при каждой земской больницѣ. Въ такомъ случаѣ кормилица всегда можетъ оказаться подъ рукой, а затѣмъ ребенокъ можетъ быть отданъ на воспитаніе наиболее подходящей женщинѣ, за которой тутъ-же слѣдуетъ учредить контроль со стороны земскаго врача, священника и проч. При такомъ распредѣленіи обязанностей со стороны общества въ отношеніи незаконнорожденныхъ дѣтей можно достигнуть того, что дѣти получаютъ необходимое питаніе и окажутся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при какихъ они оставались до настоящаго времени. Процентъ смертности, несомнѣнно, значительно уменьшится. Остается теперь четвертый вопросъ —

какъ поступить съ питомцами, которые останутся жить, чтобы они были полезными членами даннаго общества, и вознаградили это общество за произведенныя на нихъ затраты? Само собою разумѣется, что такихъ питомцевъ необходимо пристраивать къ наиболѣе подходящему дѣлу и главнымъ образомъ къ крестьянскому труду въ деревняхъ и уѣздныхъ небольшихъ городахъ, а въ большихъ городахъ — къ ремеслу. Но буде они окажутся годными, отдавать въ военную службу, если питомецъ даннаго общества, достигнувъ 21-лѣтняго возраста, не обнаруживаетъ способности сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ: въ военной службѣ такой субъектъ не испортится, а напротивъ станетъ лучшимъ, ибо военная дисциплина нужна не для благовоспитанныхъ и сознательныхъ юношей, но главнымъ образомъ для такихъ, изъ которыхъ нужно выработать полезную силу. Такихъ субъектовъ самое лучшее высылать на окраины государства, гдѣ они, по выходѣ изъ службы, вынуждены будутъ, въ силу закона борьбы за существованіе, взяться за работу. Вотъ тѣ, въ общихъ чертахъ, мѣры, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдовало-бы примѣнить въ отношеніи покинутыхъ дѣтей, которые попадаютъ на попеченіе общества и государства. Но, повторяемъ, приходитъ въ ужасъ отъ смертности новорожденныхъ дѣтей нѣтъ основанія, ибо, какъ и все въ мірѣ, человѣчество вполне зависитъ отъ біологическихъ законовъ. Общество должно направлять всѣ свои силы и помыслы, всѣ свои средства на уменьшеніе смертности подросткающаго поколѣнія, на созданіе здоровой рабочей силы и особенно заботиться о томъ, чтобы живущіе и происходящіе отъ здоровыхъ и честныхъ родителей не гибли отъ голода и не развращались. Справедливость, разумъ и гуманные чувства требуютъ, чтобы человѣчество стремилось къ поддержанію существованія тѣхъ индивидуумовъ, которыхъ природа надѣлила физическими, нравственными и духовными силами, ибо только такимъ образомъ

и возможно совершенствованіе человѣка, достиженіе счастья на землѣ. Богъ далъ человѣку разумъ, который долженъ освѣщать чувство любви ко всему прекрасному и возвышенному, но не дѣлать ничего такого, что способствуетъ развитію пороковъ, нищеты и преступленію. *Благотворить слѣдуетъ разумно.*

Маленькое поясненіе къ большому вопросу.

„Объективная истина, объективная правда, объективное благо—вотъ къ чему чловѣкъ стремится безъ оглядки въ теченіи послѣднихъ вѣковъ: уяснить, выработать и воплотить объективное въ дѣйствительности,— вотъ что, въ продолженіи столѣтій, составляло главную цѣль и задачу благороднѣйшихъ стремленій, усилій и трудовъ“.

(Кавелинъ, „Задачи Этики“).

Нѣкоторые фельетонисты-тарабарщики, а также многіе обыватели, способные только вздыхать и охать, пришли въ страшное смущеніе по поводу того, что мы, встрѣтивъ критически предложеніе объ устройствѣ въ Одессѣ „люльки“, стали доказывать ея полную нецѣлесообразность и даже вредность... Какъ! — вопять „перезвонщики“, — и такіе жестокіе взгляды, такіе суровыя, холодныя, ледяныя вещи вы преподносите публикѣ наканунѣ Рождества Христова, въ то именно время, когда нужно согрѣть читателей, вызвать большее сочувствіе со стороны общества къ несчастнымъ дѣтямъ, когда нужно защитить брошенныхъ дѣтей“ и т. д. и т. д.

„Позвольте! да какъ же можно безъ „люльки“? „Люлька“ нужна. Безъ „люльки“ дѣти будутъ погибать... Если вы противъ „люльки“, то, значитъ, вы вовсе не любите дѣтей, вы слишкомъ жестоки!“ восклицаютъ нѣкоторые сентиментальные обыватели, у которыхъ по большей части столько-же общаго съ дѣтьми, сколько у меня съ китайской грамотой.

Но позвольте, господа,—откуда вы это взяли, что критическое отношеніе къ „люлькѣ“—есть желаніе охладить публику къ несчастнымъ дѣтямъ или нелюбовь къ дѣтямъ? Изъ чего это видно, что тотъ, кто высказывается критически противъ извѣстной, имѣющей громадное общественное значеніе мѣры, предлагаемой въ такое, а не иное время,—не любитъ дѣтей и старается охладить сочувствіе къ нимъ общества? „И такія вещи теперь, передъ Рождествомъ“... стонуть мнимочувствительные и крайне сомнительные защитники несчастныхъ дѣтей, которыхъ они вовсе не знаютъ и для которыхъ они не ударяютъ палецъ объ палецъ.

Да знаете-ли вы, господа вздыхатели и „тарабарщики“, что общество, государство живетъ не для данной минуты, ни даннымъ годомъ, а, главнымъ образомъ для будущаго, для будущихъ поколѣній!.. Если вы этого не знаете, или не хотите знать, то и оставьте свою личную чувствительность при себѣ и свои узко-субъективныя воззрѣнія, не выдавайте за объективныя истины. Восклицайте свойственное вамъ „охъ“, „ахъ“, „труляля“ и „люли-малину“ и оставьте далекую отъ васъ область серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, которые возникаютъ въ жизни безъ всякихъ справокъ въ календарѣ. Ясно, что если возникаетъ извѣстный вопросъ и предлагается та или иная мѣра, а въ особенности мѣра несостоятельная, то органъ печати—газета, дѣйствительно служащая общественнымъ интересамъ, подобно эху, должна немедленно отозваться и постараться освѣтить данный серьезный соціальный вопросъ съ различныхъ сторонъ.

А вопросъ о „люлькѣ“—вопросъ въ высшей степени серьезный и въ данномъ случаѣ никакія оханья не помогутъ, да они и не умѣстны. Не охать должны истинные общественные дѣятели, а мыслить и дѣйствовать...

Въ одномъ мѣстѣ своего капитальнаго сочиненія „Изученіе Соціологіи“, Гербертъ Спенсеръ говоритъ: „Предположимъ, что

къ ученому, который тщательно провѣряетъ всякаго рода гипотезы и исключаетъ всевозможные источники ошибокъ, мы обратились съ социологическимъ вопросомъ, напимѣрь, будетъ-ли благодѣтельное какое-нибудь предполагаемое учрежденіе? Отвѣтъ, и часто очень рѣшительный, получается сейчасъ-же. Считается не нужнымъ убѣдиться, съ помощью добросовѣстной индукціи, что происходило въ каждой странѣ, гдѣ было введено такое учрежденіе, или учрежденіе, родственное ему по характеру. Считается лишнимъ бросить взглядъ назадъ и узнать изъ нашей собственной исторіи, произвели-ли сродственные силы то дѣйствіе, которое отъ нихъ ожидали. Считается лишнимъ поставить болѣе общій вопросъ: до какой степени учрежденіе вообще, во все времена и у всехъ народовъ, оправдало теоріи тѣхъ, которые предложили ихъ. Не болѣе нужнымъ считается — вывести изъ аналогичныхъ случаевъ, что можетъ произойти, если предложенное учрежденіе не состоится, или дѣлая индукцію, задаться вопросомъ: породить-ли отсутствіе этого учрежденія какое-нибудь сходное съ нимъ. А еще менѣе считается пригоднымъ изслѣдованіе, какія непосредственныя дѣйствія и противодѣйствія вызоветъ предложенная организація; на сколько она замедлитъ дѣйствіе другихъ социальныхъ силъ и до какой степени она можетъ отвратить произвольное появленіе силъ, производящихъ то-же дѣйствіе“.

Вотъ какъ смотритъ на дѣло знаменитый ученый, который, несомнѣнно, желаетъ блага всему человѣчеству, и ужь во всякомъ случаѣ, если бы Спенсеру предложили вопросъ о „люлькѣ“, онъ не сказалъ-бы: „принимаю“, но прежде предложилъ-бы, въ свою очередь, подумать и обсудить... А вѣдь Спенсеръ не только любитъ истину, но не менѣе сильно, по человѣчески любитъ дѣтей, а въ нихъ и будущее человѣчество, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ все его педагогическія статьи и вообще работы по воспитанію подростающаго поколѣнія, — какъ, напимѣрь, его прекрасное сочиненіе: „Воспитаніе ум-

ственное, нравственное и физическое“. А между тѣмъ, тотъ-же самый ученый говоритъ, что если „женщины съ нѣсколькими незаконнорожденными дѣтьми, благодаря приданому, въ видѣ получаемой ими отъ прихода пенсіи, будутъ имѣть больше шансовъ для выхода замужъ, то бѣдныя хорошаго поведенія дѣвушки могутъ остаться безъ мужей, а множество плательщиковъ податей вдругъ попадаетъ въ ряды нищихъ и, кромѣ того, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ — я признаю, что не лишены извѣстной доли отвѣтственности и тѣ, которые, *оказывая помощь дѣтямъ людей порочныхъ, тѣмъ самымъ наносятъ ущербъ дѣтямъ честныхъ родителей, увеличивая лежащую на послѣднихъ тяжесть мѣстныхъ налоговъ*“ *). Вотъ, господа, въ чемъ дѣло, а вовсе не во враждебности къ дѣтямъ и не въ охлажденіи къ нимъ публики. Каждый, кто истинно любитъ дѣтей, а въ нихъ и будущее и настоящее человечество, изъ любви къ тѣмъ-же дѣтямъ не станетъ желать и способствовать появленію на свѣтъ Божій хилыхъ и слабыхъ дѣтей, которыя рождаются только для того, чтобы умереть, но умереть послѣ агоніи... Изъ любви къ отечеству, изъ глубокой преданности его интересамъ, его настоящему и будущему — мы не желаемъ *способствовать распложенію* въ Россіи больныхъ, негодныхъ людей, — а вѣдь дѣти нужды и разврата, какъ показываетъ наука и опытъ — въ подавляющемъ большинствѣ именно и не годны для жизни. Онѣ могутъ и не могутъ умереть. И было-бы лучше, чтобы они вовсе не родились на свѣтъ. Мы желаемъ оздоровленія и должны стремиться къ созданію такихъ условій, при которыхъ дѣти могутъ рождаться не для того, чтобы тотчасъ умереть или влачить жалкое, не похожее на жизнь существованіе, но для того, чтобы жить и быть полезными сынами своего отечества.

„Вообще въ природѣ, замѣчаетъ г. Снигиревъ, — мы видимъ

*) Спенсеръ. «Грядущее Рабство».

одинъ общій законъ—тотъ, что чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ дольше онъ находится въ зависимости, въ отношеніи обезпеченія пищей и защитой, отъ родительскаго организма. Быстро образующаяся самоподвижная спора водоросли гораздо менѣе нуждается въ питательныхъ началахъ, чѣмъ, напр., сѣмя какого-нибудь медленно растущаго дерева. Половины съ момента изъ произвольнаго раздѣленія, дѣлаются такими-же самостоятельными, какъ было и первоначальное цѣлое. Но по мѣрѣ удаленія отъ простыхъ организацій къ болѣе сложнымъ замѣчается все большая зависимость отъ родителей. Человѣческій организмъ, какъ самый сложный, представляетъ наибольшую зависимость. Въ утробѣ матери онъ проходитъ рядъ эмбриологическихъ состояній, по рожденіи въ свѣтъ онъ поддерживается кормленіемъ грудью. И долго еще послѣ того, какъ онъ научается обходиться безъ посторонней помощи, онъ состоитъ подъ полной опекой своихъ родителей. Все должно быть сдѣлано для него и припасено родителями... И мы должны употреблять всѣ силы къ тому, чтобы о дѣтяхъ заботились сами родители и родившагося ребенка *кормила мать*. А „люлька“ не только отрываетъ ребенка отъ груди матери, но еще будетъ способствовать появленію несчастныхъ на свѣтъ въ большемъ количествѣ... Въ воспитательные-же дома дѣти попадаютъ для того, чтобы умереть—въ этомъ убѣждаетъ насъ нелицепріятная статистика. Но уже родившихся и живущихъ дѣтей мы любимъ не меньше господъ защитниковъ „люльки“, а можетъ быть и больше. Но любить нужно разумно, по человѣчески. И такъ-то, господа вздыхатели и охатели,—не упрекать другихъ въ безсердечіи и холодности должны вы, а *разсуждать и глубоко чувствовать...*

The first part of the book is devoted to a general survey of the history of the English language, from its origin in the North Sea to its present position as a world language. The author discusses the influence of various languages, particularly Latin and French, on the development of English. He also touches upon the role of the Bible and the works of Chaucer in the formation of the modern English language.

The second part of the book is a detailed study of the English language in its various stages, from Old English to Modern English. The author examines the changes in grammar, vocabulary, and pronunciation over time. He also discusses the influence of regional dialects and the role of the printing press in the standardization of the language.

The third part of the book is a study of the English language in its various uses, from literature to science and technology. The author discusses the role of the English language in the development of the English nation and its influence on other languages. He also touches upon the role of the English language in the world today.

The book is written in a clear and concise style, and is suitable for students of English literature and language. It is a valuable source of information for anyone interested in the history and development of the English language.

Р/51
И. М. Радецкій.

БРОШЕННЫЯ ДѢТИ.

(Матеріалы къ вопросу о подкидышахъ).

Цѣна 10 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. Ледерле и К^о.
1894.